

Анна Масленникова

«Анюткина планета»

книжка-раскраска о моем детстве

Посвящается людям,
подарившим мне счастье жить, - маме и папе.

Иркутск, 2016

**«Все взрослые сначала были детьми,
только мало кто из них об этом помнит»**

Антуан де Сент-Экзюпери,
«Маленький принц», 1943 г.

Каждый из нас был ребенком. И каждый, взрослея, конечно же, забывает об этом – хочет он этого или нет. Воспоминания постепенно стираются. Забываются эмоции, впечатления, краски, люди, события. Мир видится менее цветным и ярким. А в «шляпе» все труднее разглядеть «удава, проглотившего слона».

Эта книжка – попытка сохранить мое детство – таким, каким я его помню. Закупорить его в бутылки, как одуванчиковое вино (привет Рэю Брэдбери!) – чтобы когда-нибудь, когда я буду старенькой старушкой, достать – и выпить его вместе со своими внуками. Чтобы они знали, что и их бабушка была когда-то маленькой девочкой. Что у нее, как и у них, было волшебное, полное чудес и открытий детство. Была своя – Анюткина – планета.

Папа

«Ой ты, степь широ-о-о-кая, степь раздо-о-ольная...».

Я на руках у папы. Над головой моей раскачивается стеклянная люстра. То есть это не она раскачивается, а я - на руках у папы.

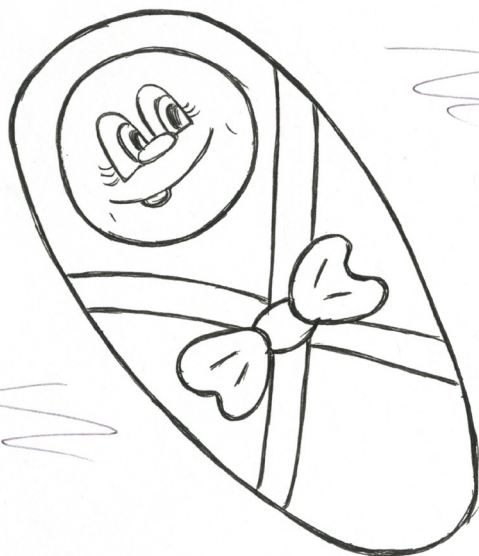
Он пытается меня убаюкать, а я все не сплю. Мне год или меньше. Меня зовут Аня. Меня называли так, когда я еще была у мамы в животике, и никто не мог быть на 100% уверен, что родится девочка, а не мальчик. Кроме мамы и папы, конечно. Они ждали дочку. Аню. Давно. Не один год надеялись, что я вот-вот появлюсь - а я все никак не появлялась. Видимо, в Небесной канцелярии считали, что не время. Что надо дождаться непременно мая. Непременно пятого числа. Непременно 1991 года.

В тот год умер СССР. А я родилась. Страшененькая, оранжевая, как морковка (из-за желтухи, которая бывает у новорожденных), я просто пулей вылетела из мамы (минут за 15, пока бабушка бегала в универмаг) - вот как хотела жить!

А Аней меня называли в честь папиной первой любви. Так, по крайней мере, гласит семейная легенда. Так мама утверждает. Она у меня толерантная. А папа всегда только улыбается, ничего не говорит.

Папа вообще говорит редко, но всегда то, что нужно именно сейчас, в эту вот конкретную минуту. Такой у него - папин - дар. А еще он может так погладить по спинке - один раз гладит и два похлопывает «раааз-два-три, раааз-два-три» - что сразу хорошо и легко становится...

1991

5.05

Над головой - люстра, папины руки - надежные, сильные.
Голос ласковый, певучий. Добрый.

«Ой ты, степь широ-о-о-кая, степь раздо-о-ольная...», - поет папа.

И дальше: «А Пушок-то ла-а-ает, Кешка-то мяу-у-укает...
Анюта все не спи-и-ит...».

О метане-пропане...

Когда в детстве у меня спрашивали, чем занимаются мои родители, я отвечала, что папа мой работает на судостроительном заводе столяром, а мама - учителем химии в школе и еще в РайОНО.

Что такое «химия», я представляла себе тогда довольно смутно. Зато с шести лет могла рассказать ряд «метан-этан-пропан...», знала, что на уроках ученики ставят разные эксперименты (вот здорово!), а еще - что именно благодаря химии я так мало вижу вечером маму: за баррикадами из тетрадей и журналов «Химия в школе» разглядеть ее довольно трудно. А привлечь внимание - еще труднее.

Когда мама писала планы, она всегда щелкала орехи или семечки: так ей лучше думалось. Мне, правда, всегда казалось, что маме просто нравится орешки пощелкать, а «планы» и «проверка тетрадей» - это лишь прикрытие. Хотя, судя по сосредоточенному маминому взгляду, можно было предположить, что она все же не только грызет семечки, но и придумывает что-то поистине гениальное. Иногда она разрешала мне - только осторожно - листать тетрадки учеников с лабораторными работами. Там были нарисованы разные колбы, спиртовки и куча всяких формул, в которых я, конечно, ничего не понимала.

Оценки мама всегда ставила очень своеобразно. Особенно двойки и тройки. Сначала делала жирную точку красной пастой, долго-долго водила по ней ручкой - будто не могла решиться, что же все-таки поставить, - а потом резко дописывала: или «2», или «3». Однажды, помню, мама уснула на этапе точки, и вместо оценки нарисовала на работе какое-то подобие цветочка - ученик, должно быть, был счастлив.

А один раз маме пришлось взять меня с собой на уроки. Мне было тогда лет шесть. Первый урок я провела в лаборантской. Великое испытание силы воли пришлось пережить маленькой Ане, которую оставили на 40 минут в кабинете, пахнущем реактивами, полном разнообразных колбочек и баночек с солями и кислотами, которые, разумеется, нельзя было трогать. И, разумеется, очень хотелось.

Судя по тому, что я за 40 минут так ни к чему и не притронулась (даже со стула не встала!), воля у меня была из «феррума». На втором уроке мама решила покончить с этой пыткой и завела меня в класс (попросив сидеть тихонько на задней парте. Можно подумать, я могла сидеть не тихонько!).

Кажется, она представила меня классу, как «новую юную ученицу», и весь урок я просидела в смущении: ребята постоянно оглядывались и смотрели на меня. А я сидела за партой и что-то рисовала, краснея от такого внимания.

После этих двух уроков стало более-менее ясным, что мама делает в школе. И что такое химия. А вот что делала и делает мама в РайОНО, пожалуй, до сих пор остается загадкой.

В методкабинете Районного отдела образования я была частой гостьей. Все меня там знали, угощали конфетами, разрешали играть на компьютере в «Поле чудес» и рисовать в «Тэинте».

Тетеньки все были очень добрые и разговорчивые. Все время что-то обсуждали, говорили по телефону, писали, печатали, носились с какими-то бумажками. Но что именно все они там делали, было совершенно непонятно. Как, впрочем, и сейчас.

...и о гробах

Вот с папиной работой было куда проще. Папа трудился на заводе, на котором строят корабли. В девяностые, правда, с заказами было негусто, и столяры чаще делали другую работу...

В отличие от РайОНО, в ДОЦе (деревообрабатывающий цех) я была всего пару-тройку раз в своей жизни. Зато первого же раза хватило сполна, чтобы понять, чем именно занят мой папа с 8:00 до 17:00 с понедельника по четверг (пятница - из-за малой загрузки завода - долго была третьим выходным). Он делает табуретки, рамы, ворота и... гробы.

Именно при изготовлении последнего изделия мне довелось попридтиствовать в довольно юном возрасте. По всей видимости, меня не с кем было оставить, и папа взял меня с собой на работу: нужно было срочно доделать гроб.

В цехе приятно пахло деревом и еще - табаком. Так всегда пахло от папы. Особенно резким этот аромат был зимой - когда папа с трескучего мороза в клубках пара заходил домой («Привет, Анюшина!»). И, кроме запаха, приносил с собой иней на усах, стружки и опилки на фуфайке и какой-нибудь гостинец «от зайчика, с которым случайно встретился по пути домой».

Так вот в цехе пахло папой. Там были огромные станки, папа показал, как они работают, что на них делают. В шкафах - молотки, ножовки, рубанки, гвозди разных размеров - всего и не помню. Но масштабы меня впечатлили. И было ясно: тут мужики делают реальные дела. Которые потрогать можно (не как у мамы в ее РайОНО). Вот гроб, например, вполне себе осязаемый - трогай, сколько душе угодно.

Не помню весь процесс изготовления гроба. Может, он уже и готов был, а папе только обить бархатом его нужно было и пустить по периметру воланы из черной тесьмы. С этими воланами я папе и помогала - придерживала, а он забивал гвоздики.

«Якорек»

Садик, куда я ходила, назывался «Якорек». То, что якорек - это маленький якорь, и садик носил это название, потому что изначально был учреждением, подведомственным нашему судостроительному заводу, я поняла совсем недавно. Впрочем, как и то, что курочка Ряба - потому что рябая, а Золушка - потому что в золе. До флегматиков, как известно, доходит медленно.

В садике было весело. На физкультуре всех забавлял Эдик Веселовский - видимо, сама фамилия этому способствовала. Эдик любил дуть впереди стоящему Сашке Савинову в затылок, чем приводил того в бешенство. А еще доставал из носа козявки и с аппетитом их ел. Судя по довольному лицу Эдика, козявки были божественно вкусны. Но я так и не решилась попробовать.

За обедом не давал скучать Моисеев Аркаша, который никогда не ел первое (как-то не заладилось у него с супами), а потому имел немало времени для разных развлечений. Так, он любил портить аппетит. Утверждал, например, что макароны - это склизкие червяки, а томатный сок - кровь. Я не была брезгливой, Аркашины сказки на меня не действовали, а вот Дашка Юнина, по-видимому, верила каждому его слову. Потому и была стройной, как тростиночка. Растолстеешь, ага, когда на обед черви с кровью!

Аркаша не скучал и во время сончасы. Он спал у меня в ногах и до того, как отправиться в объятия Морфея, любил пощекотать мне пятки. У них это, видимо, семейное было - распускать ручки. Потому что кузен его Александр Савинов складывал ладошки под подушку своей соседки по кровати Таньки Фроловой.

Таня была моей лучшей подружкой в садике. С ней мы не только играли в кукол и дочки-матери, но и разрабатывали секретный план побега из «Якорька».

К делу подошли серьезно: во время прогулки изучали деревья, стоявшие у забора, пытались карабкаться по ним, рассчитывали, с какой высоты, предположительно, придется лететь. Собирались в путь, договариваясь, кто что возьмет. Так, Танька должна была захватить еду и зубные щетки, а я - подушку. И правда: какой побег без подушки?!

Еще на прогулке мы всегда с надеждой смотрели в небо, а увидев там долгожданный самолет, кричали: «Мы здесь, мы здесь, НАНА!».

Мы были твердо убеждены, что именно в этом самолете летят любимые нами музыкальные исполнители. И что, конечно, они видят нас, своих преданных фанатов, из иллюминаторов. И, разумеется, прилетят и заберут нас в свою звездную жизнь.

Мне нанайцы страшно нравились. «Все перемелется, родная, все перемелется, пойми» - жизнеутверждающая песня про упавшую шляпу вселяла оптимизм в самых тяжелых жизненных ситуациях, которых в детсадовской жизни моей было немало (об этом - в следующих историях).

А мускулистые торсы, видневшиеся из распахнутых рубаш,

сводили с ума не меньше, чем прекрасная музыка хитов «НАНА».

Красота требует жертв

Мама мне часто говорила: «Красота требует жертв». И речь шла не о пластических операциях или диетах. Таким

вступлением она всегда предваряла утреннюю процедуру заплетания косы.

Когда я ходила в садик, никаких резиночек для волос, крабиков и прочих всевозможных украшательств не было. Для создания причесок использовались ленты. Красивые, атласные. Мама вплетала их в мои длинные волосы. Иногда делала «корзиночку», иногда «барашков».

Но любимой ее прической «на каждый день» была «коса со вплетом».

Первые пряди туго-туго заплетались прямо на макушке, остальные не менее туго вплетались дальше. Как в известном анекдоте про слишком улыбкувую девочку, которую привели к доктору, вежливо посоветовавшему родителям заплетать бедняжке косички послабее.

Сказать, что это было больно, значит не сказать ничего. Мама, разумеется, не хотела причинять мне зла. И никакими садистскими наклонностями не обладала. Цель ее носила сугубо практический характер: заплести так туго, чтобы прическа дожила до вечера, и воспитательнице в садике не пришлось меня переплести.

Хуже «косы со вплетом» была только «коса со вплетом» накануне маминой командировки. В этом случае мама заплетала меня так туго, чтобы хватило не на один день, а на все время ее отсутствия. Чтобы папе не пришлось примерять на себя роль парикмахера. Ему и роли повара бывало вполне достаточно (не скажу, что она давалась ему легко, хоть он и имел пятый разряд в кулинарном искусстве, судя по документам из армейской поварской школы). Поэтому мама старалась изо всех сил. А я после этой процедуры была особенно улыбкувой.

Утреннюю экзекуцию в будни мама всегда проводила в то время, когда за моим старшим братом Гришей заходил его одноклассник Сережа Марков - чтобы вместе идти в школу. На часах было где-то 07:15, Сережа ждал Гришу, а я сидела посреди зала на стуле и приносила себя в жертву во имя красоты. Ужасно хотелось кричать и верещать от боли - но делать это при Сергее было как-то неправильно (к тому же мне, разумеется, нравился этот кудрявый брюнет!). И я молчала. И терпела.

Мама по-прежнему утверждает, что заплетание кос во время прихода Маркова было чистой случайностью, но мне кажется, что она лукавит, и это все же был отличный тактический ход с ее стороны.

В начальной школе я научилась заплетать себе косы сама. После многочасовых тренировок на куклах Барби я, наконец, овладела этим искусством, и утренние пытки в исполнении мамы закончились.

Вместо лент появились резинки и заколки. А в моем ежедневном расписании (была у меня такая тетрабочка с «Режимом дня») - пункт «Заплетание косы». Судя по тому, что отводилось на этот процесс в моем плотном графике всего две минуты, справлялась я с задачей весьма оперативно.

«ФОНТАНЧИК»

В гостях у Сашки Савинова я бывала нечасто. Но однажды я не только оказалась в его огороде, но и забралась вместе с ним на крышу сарая. И раз забралась, значит, на то должна была быть веская причина (чего-чего, а высоты я с детства боялась).

И она была.

«Я сейчас тебе такое покажу!» – гордо заявил Сашка.

Конечно, я была заинтригована. Савинов приспустил штаны и достал то самое, что есть у мальчиков, а у девочек, бедных, нет.

«Нашел чем удивить, – подумала я. – Сто раз уже эту штуку видела».

И это было правдой: в средней группе садика туалет был общий, один на всех, и после сончасы все мы шагали туда. Унитаз было три. Мальчики вставали вокруг одного из них и дружно делали свое дело. Даже штанишки снимать не нужно. Достал – и писай на здоровье. Удобно!

Девочки смотрели и завидовали: у нас такого хитрого и полезного приспособления не было, что, конечно, казалось высшей несправедливостью в устройстве мироздания. Приходилось вставать в очередь.

Помню, мы однажды с Танюхой попробовали сесть на один унитаз вдвоем и пописать, но получилось как-то не очень, и больше мы не экспериментировали.

Одним словом, на Савинова, гордо стоящего на крыше с приспущенными штанами, я смотрела с подозрением: «Неужели только за этим он меня заставил подняться на этот сарай?!».

Но то, что последовало далее, привело меня в невообразимый восторг. Сашка писал – но как! Струя упруго поднималась вверх и, переливаясь в лучах солнца, ниспадала по параболе, искрясь сотнями брызг. Божественно! Сашка был

доволен произведенным впечатлением:

«Крутой фонтанчик, да? Это меня папа научил!».

Прошло уже лет 20 с того дня, а я до сих пор помню, чему научил дядя Володя Савинов своего сына. И - о ужас - каждый раз, встречая его, вспоминаю про Сашкин «фонтанчик».

Его не существует?

1996-1997 годы стали для меня временем не только удивительных открытий, но и разочарований.

Был декабрьский день, все в группе готовились к предстоящему утреннику. Повторяли стихи, песни. Вера Петровна только - наша воспитательница - куда-то исчезла. И репетировала с нами нянечка, Валентина Федосеевна.

Не помню уже, где именно я ее застучала, но зрелище было не для слабонервных: в шубе Деда Мороза Вера Петровна румянила щеки губной помадой и натягивала на себя белую пушистую бороду.

Я никому ничего не сказала, но настроение было здорово подпорчено. И как только все они не понимают: никакой это не Дед Мороз водит с нами хоровод! Что они, голоса, что ли, не узнают?!

Я успокаивала себя: наверное, он все-таки существует, просто не может же он на всех утренниках сразу быть - ребятшек много, в одном только Жигалово вон сколько! Поэтому Вера Петровна его просто подменяет. Но она могла бы и признаться честно, мы бы поняли. Обманывать - то зачем?

Дальше было хуже. По чудовищному стечению обстоятельств на утреннике меня посадили на стульчик прямо рядом с розеткой. Когда после третьей нашей попытки «Раз-два-три, елочка, гори!» новогодняя красавица засверкала разноцветными огнями, все ребята радовались волшебству, а я готова была провалиться сквозь землю от стыда: они опять врут! Ведь я своими собственными глазами видела, как нянечка воткнула вилку от гирлянды в розетку. Вот и все волшебство.

Домой я пришла в расстроенных чувствах. Но все-таки с надеждой, что Дед Мороз - несмотря на все эти неумелые спектакли в садике - все-таки есть. И именно он приходит ночью к нам домой и оставляет под елкой мандарины и конфеты. Не зря же я каждый вечер устраиваю ему целые концерты - со стихами и песнями.

Ночью я долго ворочалась и никак не могла уснуть. И вдруг услышала шорох в зале, где стояла елка. Я незаметно подкралась и увидела... нет, не Деда Мороза, конечно. Маму. Это она подкладывала под елку подарки. Надежды больше не было. Дед Мороз был выдумкой. Его не существовало.

Я долго обдумывала случившееся и в конце концов решила не возмущаться, не высказывать претензий, не кричать: «Не лгите мне! Я знаю правду, обманщики!», а... принимать участие в этом всеобщем спектакле. И, встав утром, я порадовалась мандаринкам и конфетам и поблагодарила Деда Мороза и Снегурочку, стоявших под елкой.

Я как-то так поняла своим пятилетним мозгом, а вернее сказать - сердцем, что взрослые - они же стареют. И что раз волшебника не существует, волшебство должны творить они сами. Можно ли винить их - больших дяденек и тетенок - за то, что дарят детям чудо? Я решила, что нет. Решила

верить - «ибо абсурдно».

И спустя почти 20 лет получила награду, увидев в Великом Устюге Деда Мороза и почувствовав, что он, хоть и двухметровый наряженный в кафтан и бороду дядька, но все-таки - настоящий. Что он есть.

А если бы не было, то его нужно было бы выдумать. Потому что каждому ребенку (да и взрослому, чего уж) обязательно нужно верить в чудо.

Разбитое сердце

Второе тяжелое разочарование поджидало меня в любви.

Сашку и Аркашку я любила еще с младшей группы садика. Обоих разом. А они - двоюродные братья - оба любили меня.

Никакой ревности в нашем любовном треугольнике не было, все были счастливы. Вместе играли, гуляли и целовались в туалете, пока никто не видел (мне всегда было стыдно, когда старшие сестры просили меня - «нецелованную» - посидеть на гадальных картах, «чтобы не ввали». Теперь-то уж можно признаться Тане и Алене: все их гадания были сплошной ложью, ибо механизм, на который они так рассчитывали, не работал).

А потом в нашей группе появилась она. Аня Тетерина. Помню, мы с Таней первые пошли знакомиться с новенькой, стали с ней играть. Одним словом, я «пригрела змею на своей груди» (да простит меня Аня за такие слова), не подозревая, какую опасность таит в себе эта жгучая брюнетка.

А она таила, и еще как. Первым, кажется, попал под ее чары Аркаша. А потом сдался и Савинов. Я осталась одна. Сердце мое было разбито, и только последовавшая вскоре за этим влюбленность в 20-летнего «дяденьку электрика», работавшего в «Якорьке», смогла хоть как-то зарубцевать мои раны.

Сашка и по сей день вспоминает, как я в сердцах сказала ему, предателю (сама я, если честно, этот момент не помню): «Вот вырасту, уеду в город учиться и найду себе там нормального мужика!».

Ищу, Саша, ищу.

Анна Николаевна Куренцова

Свой воображаемый Карлсон был в детстве у многих Малышей. А у меня не было.

Зато у меня было раздвоение личности. Была я - маленькая Аня Масленникова. И была она - большая взрослая тетя, Анна Николаевна Куренцова. Почему Куренцова - понятия не имею. Но у нее был паспорт на это имя и своя подпись - «Кур» с закорючкой.

Документы Анна Николаевна носила в небольшой бежевой сумочке на длинном ремешке через плечо. Там же лежал ее кошелек - бирюзовый, на кнопке. Купюр номиналом в 500 и 100 рублей (вырезанных мной из многочисленных брошюр, распространяемых накануне денежной реформы, после которой количество миллионеров в стране резко поубавилось) в кошельке было так много, что он едва закрывался.

Откуда такие деньги у простой учительницы начальных классов (а именно ей Куренцова была большую часть времени)? Все просто: у Анны Николаевны был муж. Он работал на золотых приисках в Бодайбо и постоянно был на вахте (я его так ни разу и не видела). Однако в том, что он существовал, сомневаться не приходилось: откуда бы иначе у Куренцовой появилась дочка Настя? Ну не тетя же Катя привезла ей этого пупса, который умел смеяться, плакать и говорить «мама» и «папа», из Иркутска?!

У Насти, по всей видимости, были некоторые проблемы со здоровьем, потому что волосы у нее никак не росли. Пришлось их нарисовать на голове фломастером, а для особо торжественных случаев сделать парик из серой пряжи - с двумя хвостиками.

Несмотря на эти физические недостатки, Настя была очень умной девочкой. И училась на одни пятерки в школе, где преподавала Анна Николаевна и где, кроме Насти, учились еще Степашка, Ванька, Мишутка и кукла Юля.

Анна Николаевна и Настя жили в своем частном доме на задворках нашего палисадника. Дом этот построил мой папа - самый настоящий, с окнами (правда, без стекол), дверью и крышей. В доме была прихожая, кухня, гостиная и спальня. Дизайном дома, созданием всего внутреннего убранства занималась сама Куренцова. Ковры, картины, занавески на окнах... Даже кровать Анна Николаевна смастерила сама: принесла с конца огорода два лиственничных бруса и несколько досок (не удивляйтесь, Куренцова была истинно русской женщиной - той, которая и в горящую избу, и коня на скаку) - и сделала. Спите на здоровье.

Соседом Анны Николаевны на улице Садовой был Славка Исаков. Бесстрашный охотник и следопыт, он сам отстроил

себе роскошный коттедж из горбыля неподалеку от заброшенного дома с привидениями и гигантского тополя, на котором жили многочисленные черные вороны.

Не сказать, что коттедж был очень уж богато обставлен: небольшая скамейка да гамак, натянутый из угла в угол. Но Святославу Валерьевичу - холостяку - большего и не нужно было.

Торой он по-соседски заглядывал к Анне Николаевне на пироги из земли или на ужин. Куренцова готовила суп с каменным картофелем, вермишель из сухих веточек, салат из свежей лебеды, мокреца и осоки. Особенно хорош был горячий чай с молоком. От напитка почему-то пахло зубной пастой - видимо, чай был с мятой.

Такую вот размеренную жизнь и вела Анна Николаевна: утром завтракала, затем шла на работу учить ребятишек уму-разуму, потом в магазин за покупками и домой - готовить ужин, хлопотать по хозяйству.

Но иногда у Куренцовой что-то «переклинивало», и тогда она прекращалась в детектива, расследующего опасные преступления и ловящего злоумышленников. Для этих целей в сумочке у Анны Николаевны лежал пистолет с пластмассовыми пулями. С ним, затаив дыхание, нужно было красться вдоль стены, стараясь слиться с ней, стать плоской, невидимой - а затем резко выпрыгнуть из укрытия и провести задержание преступника. С этим детектив Куренцова справлялась не хуже Насти Каменской!

Одним словом, дух авантюризма периодически врывается в стройную и размеренную жизнь Анны Николаевны.

А иногда врывается другой дух - бездомной и покинутой

женщины. Тогда Куренцова превращалась в бомжиху. Надевала на себя какие-нибудь отрепья и отправлялась в «парк». Он обычно возникал у нас в зале, а пара-тройка поставленных рядом стульев выполняли роль скамейки. Там Анна Николаевна коротала ночи, свернувшись клубочком и дрожа - от холода и горя...

Когда и куда ушла из моей жизни Анна Николаевна Куренцова, я не помню.

А порой мне и вовсе кажется, что она никуда не уходила. Что это она, Куренцова, расписывается в зачетках у студентов, слушает скучные доклады банкиров на брифингах и носит очки. Пока я - Аня Масленникова - рисую гуашью виноград и яблоки, превращаюсь в цветочек на актерских курсах или пишу вот эту книжку.

Славка

Всем удивительным и таинственным в своем детстве я, конечно, обязана своему соседу - и по улице Садовой, и по улице Мичурина - Славке Исакову.

Славка был на два года старше меня, и я не помню момента нашего знакомства: он просто всегда БЫЛ. Как мама, папа, брат. Как солнце и деревья.

К 1989-му у дяди Валеры и тети Лены Исаковых уже было двое сыновей - Роман и Денис. И они, конечно, очень хотели и ждали девочку. А родился мальчик. Роптать не стали, смирились. И, может, во славу решения Господнего сына назвали Славой. Причем не Вячеславом, а Святославом.

Мне Славкино полное имя страшно нравилось, только

я думала, что пишется оно через букву «Е», Светослав, и назвали моего друга так, потому что он был «светлый». А оказалось - «святой». Впрочем, я была недалеко от истины, ведь если верить Борису Гребенщикову, то - «кто светел, тот и свят».

Славка был страшным авантюристом и фантазером, умевшим в простом увидеть удивительное. Благодаря этой его способности огород, сад, двор, где мы играли, наполнялись множеством загадок и неизведанных тайн. А уж если мы выходили за ограду, было ясно: нас ждут великие приключения.

Рыбалка

Одним из таких приключений была рыбалка. Удиль ельцов мы ходили на территорию судоверфи, на Курью. Это сейчас я понимаю, что от дома до места нашей рыбной ловли было метров 200-300. Тогда же это казалось самым настоящим путешествием, к которому нужно было подготовиться как следует.

Для начала, конечно, надо было запастись наживкой - накопать дождевых червей. Мы со Славкой отправлялись в огород с лопатой и начинали перекапывать межу в поисках несчастных жертв. Червяков мне почему-то никогда не было жалко. Славка однажды сказал, что даже если разрубить червяка надвое, обе его половинки выживут. Мы даже планировали поставить эксперимент и проверить. Но почему-то не сделали этого.

Червей мы собирали в баночку из-под майонеза. Кроме наживки, на рыбалку брали с собой перекус: бутерброды и чай в термосе (рыбалка - дело непростое, волнительное,

можно и проголодаться). Ну и удочки, разумеется.

На месте начиналось самое интересное. Славка объяснял, как насадить извивающегося червя на крючок, как правильно на него плюнуть, «чтоб клевало» (с этим у меня всегда были трудности: то ничего не выплуну, то харкну так, что червяк

аж захлебывается в моей слюне, бедолага), а потом - как правильно размотать леску и забросить подальше.

Закинув удочки, мы начинали ждать. О, что может быть прекраснее этого томительного ожидания?!

Когда поплавок начинал дергаться, а леска тяжелеть - радости не было предела. Не одна рыба ушла от меня на этом этапе: слишком быстро я начинала тянуть леску, и елец соскакивал с крючка, отменно пообедав вкуснейшим червем и не сказав мне «Спасибо!».

Рыбалка не любит эмоций, учил Славка. Нужно сохранять спокойствие, тянуть не спеша. Я слушала и пыталась следовать советам Мудрого Учителя. Елец - крохотная рыбка - казался мне в этот момент огромным морским (то есть речным, конечно) чудищем, а сама я, должно быть, походила на хемингуэевского старика с его «рыбой»: сосредоточенная, желающая победить в этой неравной схватке.

И вот крючок поднимался над поверхностью воды, а на нем дергался, виляя хвостом из стороны в сторону и сверкая чешуей на солнце, елец. Дальше следовало не менее трудное. Рыбу нужно было снять с крючка (неприменно на расстоянии от воды - ведь елец так и норовил выскользнуть из рук и вернуться домой, в Курью), а затем - оглушить. «Чтоб долго не мучился», - деловито объяснял Славка.

Израсходовав всю наживку, мы, уставшие, сидели на травке, пили чай, ели бутерброды, отмахиваясь от назойливой мошкары и прихлопывая приставучих комаров. Солнце светило, вода текла, сверкая бликами, в синем небе проплывали пушистые барашки облаков. Пахло осокой, лягушками (Курья была болотистой речушкой) и пойманной

нами рыбой. Моего кота Кешу ждал отменный обед из десятка ельцов. А нас - новые приключения.

Отрава для Генки

В конце марта в Жигалово начинало пахнуть весной. Снег становился рыхлым, липким и грязным. Вкусно пахло оттаявшими деревянными тротуарами, прошлогодней жухлой травой и листочками.

Воробьи пили воду из луж и чистили перышки. Солнце припекало, с крыш звонко капало. А на бане выросли огромные - в метр длиной и в кулак толщиной - сосульки. То есть не сосульки, конечно, а крутецкие самурайские мечи, которыми можно было биться не на жизнь, а на смерть. Чем мы со Славкой и занимались.

В один из таких вот чудных мартовских дней, обещающих теплую, полную приключений весну, мы с ним и совершили одну великолепную пакость. За которую до сих пор немножко стыдно (но больше - весело).

Оттаивают весной, как известно, не только прошлогодние листочки и травинки, но и разнообразные какушки - и собачьи, и козьи, и коровьи, и голубиные. Последние осенние какушки, сперва чуть припорошенные первым пушистым ноябрьским снегом, а потом и вовсе похороненные на несколько месяцев под толщей зимних сугробов. С тем, чтобы в марте появиться, проявиться и заставить скучных взрослых морщить носы: «Фу, оттаяло...».

Как нам со Славкой пришла в голову эта безумная идея - приготовить отраву - не помню. Но раз уж пришла, нужно было ее непременно воплотить. Мы отправились за ограду.

В ход шло все: талая вода из луж, прошлогодняя трава, кусочек коровьей лепешки, немного козых «орешков» и - для полноты вкуса - голубиный помет.

Все это мы тщательно размешали и, процедив через ситечко, перелили в белую пластмассовую кружечку из моего набора посуды.

Отрава, как нам казалось, получилась отменная. Оставалось только проверить ее в деле.

Разумеется, никто из нас двоих - юных химиков - не желал пробовать ароматную смесь. Нужна была сторонняя жертва. И Бог нам ее послал - в виде Генки Чечетина, проходившего по Мичурина мимо нас.

Генка был старше года на три-четыре - длинный, тощий, но, кажется, сильный. И предлагать ему дегустировать наше творение было дело рискованным. Однако дух авантюризма оказался сильнее.

«Генка, привет! У нас тут очень вкусный напиток, хочешь попробовать?».

И он - безумец - захотел. И отхлебнул из моей пластмассовой белой кружечки. Отхлебнул и, матерясь, выплюнул.

Мы со Славкой решили не испытывать судьбу и забежали в ограду, подгоняемые Генкиными проклятьями, которыми он нас с чувством осыпал. Было очевидно: отрава удалась.

Долго потом я избегала попадаться Генке на глаза. А когда пару лет назад он постучался ко мне в друзья в «ВКонтакте», по спине моей пробежал холодок ужаса: «Помнит. Будет мстить». Но пока, вроде, обошлось.

Коммерсант

Рухнувший после развала СССР «Железный занавес» позволил нам, «детям девяностых», насладиться многими благами цивилизации. Тамагочи, тетрисы, приставки с оранжевыми дискетами... И, конечно же, куклы Барби!

У меня их было штуки три, так что я по тем временам была весьма богатой девочкой. Не помню, как их звали, наверное, Катя, Маша и... Сергей. Не нужно удивляться. Кена у меня не было (иметь Кена было просто роскошью!), поэтому одна из кукол - коротко стриженная и с вдавленным пластмассовым бюстом - исполняла его роль.

Барби жили у меня в комнате под письменным столом. Квартирка у них была что надо. Несколько мебелированных комнат, евроремонт... Стол из кубиков, постельное белье и ковры ручной работы, тумбочки с выдвигающимися ящиками из спичечных коробков, репродукции картин известных мастеров, вырезанные из журнала «Мурзилка».

В гардеробной, кроме роскошных платьев (в которых Барби обычно продавались и которые предназначались, скорее, для королевских балов, нежели для повседневной жизни) были целые авторские коллекции «casual»: одежда, сшитая из старых папиных носков (отрезаешь до пятки - получается юбка на резинке, разрезаешь посередине и прошиваешь - брючки готовы) и связанная своими руками.

У девяностых был неоспоримый плюс: отсутствие какого бы то ни было изобилия развивало творческие способности. Это сейчас в «Детском мире» что душе угодно: и кухни, и спальни, и гостиные для кукол. Да что там - целые двухэтажные розовые дома со всеми удобствами! У нас

ничего этого не было. Зато была фантазия.

Однажды мой товарищ Славка заявился ко мне довольный:
«Смотри, что у меня есть!»

В руках у Славки было удивительное зеленое платье для Барби, связанное крючком, и не менее прекрасная шляпка - тоже зеленая и тоже связанная.

«Сам сделал!» , - сообщил Славка.

Я не умела вязать крючком, только спицами, потому не могла сдержать восхищенных возгласов. Комплект был прекрасен!

«Хочешь?», - спросил Мастер, выдержав паузу и подождая, пока мой восторг достигнет апогея.

Еще бы я не хотела.

«10 рублей», - безапелляционно заявил он.

10 рублей! Это было целым состоянием. На 10 рублей можно было купить десять жвачек из серии «Love is» или «Turbo» и пополнить коллекцию вкладышей (чтобы потом, конечно, проиграть их Славке в неравном бою). Или две упаковки божественно-химического «Юппи»! Или пачку чипсов «Зяки-зяки»!

Или - платье. Я еще раз посмотрела на него, и последние сомнения рухнули: все «Зяки-зяки» мира и жвачки про любовь не могли сравниться со Славкиным шедевром. Довольный друг с десяткой в кармане ушел домой.

Вечером я рассказала о своем приобретении родителям.

«Вот ведь коммерсант, - засмеялись они. - Второй Вася Яровой растет!»

Я не была знакома с Васей. И, увы, не знала, кто такой «коммерсант». «Наверное, это тот, кто умеет вязать крючком красивые платья для Барби», - подумала я и, открутив кукле голову, в очередной раз надела на нее новый наряд.

Кулинария и «рябчики»

Однажды мы со Славкой остались дома одни. В этом, конечно, не было ничего необычного: мы часто играли у меня, когда родителей не было дома. Уникальность ситуации была в том, что мама не успела приготовить обед, и мы со Славкой были обречены на голодную смерть.

Так, по крайней мере, казалось мне. Но Славка был бы не Славкой, если бы из этого, казалось бы, безвыходного положения, не нашел выход:

«Не переживай, Анька! Мы сейчас рябчиков нажарим».

Я сразу живо представила, как Славка, крадучись на цыпочках, крадет у отца-охотника добытых им птиц, и мы начинаем их щипать и потрошить. Мне стало не по себе.

Но Славка направился не домой, а к нашему холодильнику. Он достал оттуда пару яиц, а из хлебницы - батон.

«Доставай сковородку».

Рябчиками он, как оказалось, называл обжаренный в яйцах хлеб. Через несколько минут первая порция ароматных «рябчиков» уже шкворчала в горячем масле.

«Славка, а я же знаю, как варить яйца!».

Рядом со сковородой тут же появилась кастрюля с водой, куда мы бережно опустили еще пару яиц.

«А ты точно умеешь?», – Славка явно сомневался в моих кулинарных способностях.

Зато я – нисколечко. Я была совершенно убеждена, что как только вода в кастрюльке забулькает, это будет значить, что яйца готовы.

«Забулькала! Сварились!».

Ложкой мы достали яйца из кипятка и решили, не тратя времени, устроить яичную баталию. Задок к задку – рррааз!

...

К счастью, яйца разбились прямо над тарелкой, в которой Славка взбивал белки и желтки для «рябчиков».

Мы достали скорлупу. Я пристыженно замолчала. Славка же перемешал старые яйца с новыми, недоваренными, и с невозмутимым видом продолжил жарить «рябчиков». Теперь – в два раза больше.

Никогда в своей жизни я не ела столько хлеба в яйце, как в тот день (сказать, что мы объелись – значит не сказать ничего).

И никогда еще так ясно не осознавала, что призвание мое лежит явно не в области кулинарии.

Улица

Весной, летом, осенью немногочисленное детское население нашего околотка пропадало на улице, нагуливая аппетит.

Часто играли в «Московские прятки». Почему «московские», одному Богу известно. Суть игры была в том, чтобы сначала спрятаться получше, а потом добежать из своего укрытия до «штаба» быстрее, чем водящий, стучать и орать «Ту-ки-та». Я в этой игре всегда была водящей. Я тогда еще не знала, что я флегматик, и думала, что мне просто не везет.

В «войнушку», понятное дело, мы играли тоже. Кто с кем сражался, не помню, но страсти кипели нешуточные. Особенно здорово было играть осенью – в опустевшем огороде. Выкопав картошку, мы сооружали там настоящие окопы из ботвы и устраивали обстрелы противника зелеными картофельными ягодками.

Еще мы, конечно, скакали на скакалке, через веревочку, рисовали «классики». Играли в «Виселицу» (на асфальте у ОРСа), в «Казак-разбойников» (на территории судоверфи), проводили археологические раскопки там, где раньше был магазин «Карат», а потом – после страшного пожара – остались лишь руины, обломки и обгоревшие кассовые аппараты.

С друзьями на улице было весело и совсем не страшно. А вот одна я туда старалась не выходить. Я знала, что мир за пределами ограды полон опасностей.

Взять хотя бы улицу Мичурина, на которой жили и мы, и Исаковы, и Савиновы, и Давыдовы. Чтобы дойти до проулка, нужно было преодолеть массу испытаний.

Для начала - козы бабы Тоси. Нет, козы были, в общем-то, ничего. Кроме одной. Огромное и свирепое животное ходило с деревянной дощечкой, прибитой к рогам и закрывающей ей обзор. Иначе совладать с козой было просто невозможно.

Увидев цель, она моментально направлялась к ней, выставив вперед рога. Зрелище было не менее захватывающим, чем испанская коррида.

Дощечка на рогах козы поднималась довольно часто, и тогда вариантов было не много: ты должен был стать либо тореадором - и с честью принять бой, либо спринтером - и поскорее убежать домой.

Дальше по той же стороне улицы жили самогонщики. Специфический запах всегда вился вокруг этого дома. А вместе с ним вились и приходившие «заправиться» рабы «зеленого змия». Встреча с любым из них вряд ли могла оставить приятное впечатление.

Но самой страшной на улице Мичурина была опасность встречи не с пьяницей, а с таинственным стариком-моряком, жившим в доме №7а. Дом этот был - старьей, полуразвалившийся барак. А сам дед - бородатый и дремучий - навевал холодный ужас. Он ходил в тельняшке и матроске (отсюда и прозвище), и при ходьбе опирался на погнутую железную клюку.

Славка утверждал, что Моряк похищает маленьких девочек, убивает их этой клюкой и засаливает в бочках, которые хранит в своем бараке. Не верить Славке было нельзя, ведь он просто не мог быть обманщиком.

Мимо дома №7а я всегда ходила с опаской - даже позже, когда стало очевидным, что Славка все-таки преувеличивал, и Моряк был просто одиноким и несчастным стариком.

Потом он умер. Барак состарился и развалился. А на его месте построили новый дом.

«Люди, с Новым годом!»

Новый год в детстве был моим самым любимым праздником. Потому что это как день рождения – только у всех сразу.

Я готовилась к празднику чуть ли не с лета. Клеила бесконечно длинные гирлянды из цветной бумаги, вырезала снежинки, рисовала открытки. Придумывала праздничную программу («Поле чудес», «Кто хочет стать миллионером», Дед Мороз с подарками и беспроигрышная лотерея с отличными призами – скучать в новогоднюю ночь моей семье не приходилось).

Но самым любимым временем был, конечно, канун праздника, конец декабря. Елка уже стояла в ограде, в сугробе, и ждала своего часа – когда папа занесет ее, трескучую, пахучую, с мороза домой. И сразу станет свежо, хорошо и празднично. И мама сходит в кладовку и вернется с огромной коробкой с игрушками – шариками, фонариками, разноцветной мишурой и дождями.

Больше всего мне нравилось доставать оттуда, из этого волшебного ларца, пластмассовых Деда Мороза и Снегурочку, здороваться с ними, расспрашивать, как они провели этот год в кладовке, рассказывать, что за это время произошло в моей жизни.

У Снегурочки были большие черные глаза-бусины. А у Дедушки огромный желтый мешок за спиной. С подарками. Я, конечно, знала, что их там на самом деле нет (фигурка была полой, и я свободно могла засунуть внутрь руку и убедиться в том, что мешок пуст). Но верила, что есть. Потому что когда веришь, что что-то существует, оно и правда начинает существовать. В этом и заключается механизм волшебства.

Елку мы непременно наряжали всей семьей. Папа развешивал гирлянды и подрезал ветки, придавая елочке правильную форму. Мы с мамой были ответственными за игрушки. К самой макушке подвешивали огромный колокол, символ времени. Чуть ниже - фигурки Деда Мороза и Снегурочки. А потом - снеговика, золотые шишки, сосульки и бесчисленные шары: золотые, серебряные, красные, желтые, синие. Мишура, дождики - елочка становилась все краше.

А затем начиналось волшебство. Папа выключал свет во всем доме. И зажигал гирлянду.

«Ох и красавица получилась!».

Мы с ним ложились под елку и смотрели вверх, на сказочный свет в ветках. Дышали хвойным ароматом и думали - каждый о своем. И на душе было так хорошо и светло, будто это в ней горели гирлянды.

Хотелось лежать так бесконечно. И мы с папой - неисправимые романтики - так и лежали бы. Но, к счастью, у нас была реалистка-мама. Она включала свет:

«Вставайте. Еще готовить нужно».

Дальше все происходило по давно заведенному сценарию. Свиные ребрышки с картофельным пюре, голубцы, селедка под шубой и оливье, торты и сырчики из творога. И все, это, конечно, на фоне душещипательной истории любви Жени Лукашина и его Наденьки. Воистину, количество прожитых лет легко узнать, подсчитав, сколько раз ты смотрел «Иронию судьбы».

Часиков в девять, вдохновленные примером Лукашина и его

друзей, мы отправлялись в баню – смыть всю грязь старого года («Все испуги-переполохи с жилочек-полужилочек, с локоточков, с ноготочков, с буйного сердца, с ретивого сердца, аминь», как говорила мама, поливая меня из ковшика).

Потом приходила бабушка. Появлялся за столом студент Григорий. И начиналось праздничное шоу в исполнении Ани Масленниковой. Мы провожали старый год, смотрели обращение президента, стреляли шампанским под бой курантов и шли на улицу – смотреть на фейерверки соседей и запускать свою скромную «пукалку» на 10 залпов.

Сценарий повторялся из года в год. Это называется – традиция.

Только в 1999 году программа дала сбой. Президент Борис Ельцин (которого папа нередко называл «скотиной» и «собакой»), обращаясь к россиянам с экрана телевизора, вдруг заявил: «Я устал, я ухожу».

Я тогда не знала еще, что это – историческое событие. Только радовалась за папу – потому что тот был бесконечно счастлив. Он тогда даже выпил больше обычного. А когда мы пошли на улицу смотреть на фейерверки, вдруг закричал: «Людиии, с Новым годооом!». И не менее радостно отвечали ему и с Депутатской, и с Мичурина: «С Новым годоооом!».

В этих криках была не просто радость нового года, но надежда – на лучшее будущее. Вера в чудо.

Колядки

В новогодние каникулы мы с моим товарищем-

коммерсантом промышляли колядками. Дело это было не пыльное: нарядиться пострашнее, выучить пару частушек и устроить «чес» по соседям, крича: «Коляда, коляда, отворяйте ворота».

Конфеты, как известно, лишними не бывают. Особенно когда тебе 7 или 8 лет.

В ту зиму, о которой я поведаю свой рассказ, мы подошли к делу особенно ответственно. Славка натянул на лицо черный чулок с прорезями для глаз, а на голову – меховую отцовскую шапку. Я же решила опробовать в деле новую маску. Это была ужасная Баба Яга с желтым лицом.

Наряжаясь так, мы не знали, какие опасности поджидают нас в пути. Но дяди Валерина шапка была слишком большой и постоянно сползала Славке на глаза. Моя маска тоже оказалась великоватой и все время норовила соскользнуть в сторону. В итоге прорези для глаз оказывались не там, где нужно, а на носу и на виске.

Одним словом, мы со Славкой были слепы, как крот и кот Базилио, и передвигались по Мичурина буквально наощупь. Стучали в ворота, в которые, как мы знали на собственном горьком опыте прошлых зим, стучать не стоило («А ну уходите! Собак спущу!»).

И все время шли куда-то не туда. Например, в ограде у Давыдовых я зарулила в цветник и далеко не с первого раза попала в дверной проем. Славка плутал не меньше моего, то и дело поправляя шапку, которая через секунду снова оказывалась на носу.

В тот вечер мы – слепые – волновались больше обычного. Заикаясь, пели свои частушки про тракториста, который «на

поле трусами машет», и про летчика, который «подметает аэродром». И забывали при этом менять голоса - чтоб никто не понял, что это мы.

Тетя Оля Давыдова нас в итоге узнала. «Кажется, это Аня и Слава!», - сказала она, насыпая в наш мешок конфеты и пряники.

«Нет, меня зовут Вова!», - заявила я окрепшим вдруг басом и направилась к двери, едва сдерживая смех.

Потом мы - слепые - шли по Мичурина, втыкаясь во все на своем пути, забредая в сугробы по колено и хохотали, хохотали, хохотали. Добравшись до дома и сняв, наконец, шапку, чулок и маску, мы высыпали из мешка сладости и поделили добычу. Конфет и булочек было много: колядки «вслепую» удались.

«Робинзон» и математика

Кто и как учил меня читать, я не помню. Не помню, как буквы таинственным образом начали сливаться в слоги, а слоги - в слова. Кажется, я всегда читала бегло. Как родилась - так и начала шпарить 240 слов в минуту.

Книги были особым миром. И читать я любила очень. Правда, не все.

Не любила, например, поэзию Агнии Барто - какой-то слишком уж «детской» она мне казалось. Куда круче был ершовский «Конек-Горбунок» или михалковский «Дядя Степа»!

Не любила и сказки, с самых ранних лет отдавая

предпочтение большим жанровым формам. Что сказка - прочитал и забыл. А вот одолеть вместе с Элли и Тотошкой 300 страниц пути в Изумрудный город, или прожить лето вместе с непоседой Пеппи Длинный чулок - это я понимаю!

Кроме Элли и Пеппи, были еще любимые книжки, которые я перечитывала неоднократно, - «Про Гришку», про «Тимура и его команду», про Гулливера (сначала в стране лилипутов, потом - в стране великанов)... И про Робинзона Крузо, конечно.

«Робинзона» в детском изложении я впервые прочитала классе во втором или в третьем. Папа пришел на обед, посмотрел на меня, скучающую, заявил, что сейчас принесет мне из кладовки отличную книгу, и вернулся с Даниэлем Дефо.

«Уроки только сделай сначала. Начнешь читать - не сможешь остановиться», - предостерег папа.

Ну, с чем-с чем, а с силой воли у меня все было в порядке с младенчества - в этом я была убеждена. Зря я, что ли, завела себе тетрадочку с «Режимом дня», в которой поминутно была расписана моя жизнь?!

И я начала читать: «Несколько глав только - и за математику сяду».

Но Робинзон потерпел крушение, Робинзон оказался один на необитаемом острове, он боролся с Природой, он строил шалаш (ох, как бы я хотела жить в таком шалаше!), он приручал коз, он с нелепым зонтиком бродил по джунглям, исследуя свои владения, он выращивал пшеницу и лепил горшки из глины...

И, хоть и были с ним его верные друзья – говорящий попугай и собака, оставить его наедине с опасностями было просто невысказимо. Уже и папа пришел с работы, а я все читала. И пока не появился Пятница, не бросила Робинзона Крузо.

«Математика? Подождет, подождет математика, папа, тут такое!».

Папа улыбался. Папа оказался прав.

Так я узнала, что я натура увлекающаяся. И что даже самая железная воля может дать течь. И что жизнь – с ее удивительными поворотами – не укладывается в мою тетрадку с «Режимом дня».

«Дивная» расчлененка

Сказки я не жаловала, это верно. Но один любимый сборник у меня все-таки был.

Если психологи ищут причины некоторых психических расстройств у детей, выросших в девяностые, то я охотно могла бы помочь им в поисках – дав на прочтение (только, чур, с возвратом!) сборник русских народных сказок «Диво дивное». Эта довольно увесистая книга была у многих моих ровесников.

Обложка – черная, жуткая. На ней – Баба Яга. Не добродушная старушка в ступе и с метлой, а самая что ни на есть зловещая старуха с крючковатым носом, узловатыми пальцами и свирепым взглядом. Из избушки на курьих ножках взирающая на маленького читателя.

И как бы ты ни старался: «Избушка, избушка, повернись к

лесу передом, ко мне задом», она оставалась на месте. И Баба Яга продолжала смотреть на тебя, кажется, представляя уже в уме, как поджарит твои сладкие косточки в печке и схрумкает железной своей челюстью.

Смотреть на нее было жутко. Но не смотреть - нельзя. Как нельзя было и не читать эти сказки - про Василису, про Елену Премудрую, про Кощея Бессмертного, про Никиту Кожемяку. Жуткие истории с не менее жуткими иллюстрациями (чего стоит только забор из черепов с горящими угольками в глазницах, взирающих на бедную Василису, или восставший из могилы старик-отец - бледный, простоволосый, тощий - из сказки про Сивку-Бурку).

Хитом сборника, без всякого сомнения, была сказка «Разбойники». Аленушка, оставшись дома одна (родители-купцы уехали в город за товаром, строго-настрого приказав сидеть дома и не шуметь), позвала в гости подружек. Рукодельничали, пели песни, болтали и хохотали. Шумели, одним словом, нарушая родительский наказ. На шум-то и явились разбойнички, желающие поживиться в купеческом доме. Подружки, завидев опасность, мигом разбежались, оставив Аленушку одну (вот и верь в женскую дружбу после такого!). А та спустилась в погреб, где и стала дожидаться злодеев-душегубов.

Тряслась от страха, думаете? Как бы не так! Не робкого десятка оказалась Аленушка. И когда в погреб спустился один из разбойников - отрубила она ему топором голову. А потом - «разрубила тело на части и поклала их в мешки да горшки». Сказочка про расчлененку, как вам такое?

...В 19 лет я начала писать криминальные новости на «Бабре». И что-то мне подсказывает, что этот мой нездоровый интерес к разного рода нарушениям Уголовного кодекса

был предопределен многими годами ранее.

Про ЭТО

Благодаря своей любви к чтению, уже в шесть лет я узнала, откуда берутся дети. И вот как это произошло.

Разумеется меня, как и всех детей, волновал вопрос собственного происхождения. Отлично помню, что насчет собственно процесса появления на свет у меня была продуманная и, как мне казалось, отменная теория: дети выбирались из маминого животика... через пупок! В пупке был встроенный механизм - что-то вроде вшитой по кругу бельевой резинки, которую, когда приходило время, растягивали - и доставали малыша.

Вскоре, однако выяснилось, что концепция моя ложная и что появляемся мы на свет вовсе не из маминого пупка... Признаться, мне до сих пор немного не по себе при мысли, ОТКУДА мы все появляемся.

Дело было вечером. Мы смотрели телевизор, и после очередного просмотра рекламы женских прокладок я, наконец, насмелилась спросить у мамы, зачем же они нужны. По моей теории, их нужно было приклеивать под мышки, чтобы они впитывали пот. Мама несколько смутилась (все родители смущаются от подобных вопросов), отвела меня в спальню и открыла страшную тайну. Синяя жидкость, которой поливали в рекламе «Always», оказалась отнюдь не потом... Так я узнала о предстоящей мне женской участи, и мир, разумеется, не мог уже оставаться прежним.

Мама же решила не останавливаться на этом, а ответить на все мои вопросы (даже не заданные еще) разом. Устранить

оставшиеся пробелы в моих знаниях маме помогла книга. Как сейчас помню, называлась она «Половая жизнь. Для детей 7-9 лет». Мне было шесть, и я не была до конца уверена, что мне можно это читать. Но мама успокоила: «Прочитай, там все написано».

В книжке было не только написано, но и нарисовано. На примере птичек, животных, а потом, конечно, и людей показывалось и рассказывалось, чем мальчики отличаются от девочек, и что если одна крохотная клеточка - шустрая, с хвостом - из тела дяденьки попадет в тело тетеньки и встретит там другую клеточку - большую и круглую, то через 9 месяцев получится ребенок. Это было просто непостижимо. Две крохотных клеточки за 9 месяцев превращались в человека.

Держать это в себе было просто невозможно. А позволить своим одноклассникам в садике оставаться в неведении - непозволительно. Нужно было вывести их из тьмы незнания, пролить свет на волновавший всех вопрос о собственном происхождении. Придя на следующий день в садик, я усадила их на оранжевый диванчик и выдала все, что знала. Кажется, ребята были впечатлены не меньше моего.

Долго после этого моей любимой игрой в садике была беременность. А еще я отлично помню, как лежала на том самом диванчике и «рожала» Аркашку Моисеева. Таня Фролова была акушеркой и принимала роды.

Гениальность и графоманство

Писать в детстве я любила не меньше, чем читать. Причем одинаково хороша была как в прозе, так и в поэзии.

Папа до сих пор хранит мое творчество - в надежде продать и разбогатеть, когда я стану суперизвестным медиамагнатом.

Писала я разное. Было событийное, например:

«Скоро мы пойдем на речку,
А потом на огород,
Покупаемся мы в речке
И посмотрим на народ.
Я покушаю горох и поем бобы,
Больше нету в огороде никакой еды».

Или:

«Настало 8 марта,
Ведь это праздник наших мам,
И пусть они порадуются нам».

Или - навеки любимое мной и папой - и навеки нелюбимое мамой:

«Мама сегодня очень сердита,
Видно, с работой неладно опять.
Только порог переступила,
Начала сразу нас с папой ругать.

С нами, как волк, говорит,
Нас - как жует.
А тетя Люда придет - у нее душа поет».

Было и лирическое, например, «Цветочек»:

«Вот стоит цветочек,
Я его полью,
Нравится мне очень -

Я его люблю!».

Стихоплетством меня заразил папа. Который и сам иногда выдавал что-нибудь событийное, лирическое или навеки любимое мамой. А иногда – все разом.

Мы вообще очень любили с папой сочинять. Особенно здорово это было делать, когда на нашей улице вдруг отключали электричество (из-за аварии какой-нибудь или сильного ветра): мы зажигали свечи, и обычная еще несколько минут назад кухня становилась местом волшебным, храмом творчества. Папа курил у печки, мы разглядывали тлеющие угли и головешки и разговаривали – стихами. Получалось складно – мы радовались и смеялись. Злили этим маму, которая в зале, тоже при свечах, странствовала по миру кислот, солей и химических формул, проверяя тетради...

В прозе моим любимым жанром была сказка. Я составляла целые сборники, иллюстрированные, красочные. Не беда, что боевой конь Принца Дмитрия был похож на собаку (так, по крайней мере, казалось папе), главное, что он помогал хозяину бороться с Чародеем Длиннобородым Старикашечкой!

Вообще, история про Чародея – это, скорее исключение. Обычно мои сказки были очень жизненными, рожденными реальностью.

Там был и несчастный медведь, который ходил на прием к зайцу-стоматологу, и таинственный Пых Доната (смесь народной сказки и бразильских сериалов), никак не желавший снять вонючие носки и утверждавший, что это «природный запах». И Кощей, который не мог жениться на похищенной Аленушке, потому что свадебное платье – как

сказала Баба Яга - три миллиона стоит (речь о тех самых миллионах, которыми родители зарплату получали), а у него таких денег нет...

Но один из любимых моих персонажей - путешествующий по Африке вместе с друзьями - Бегемотиком, Обезьянкой и Змеей - Колобок. Удивительная сказка, на 80% состоящая из перечислений разнообразных блюд, которыми герои питались. Апельсины, яблоки, ананасы, кокосы, бананы, клубника, киви, фруктовые салаты и свежевыжатые соки - и так на каждой странице. Колобок все никак не мог спасти похищенных бабку с дедкой - потому что постоянно ел! Целыми абзацами ел и ел. Страниц 30-40 в клеточку ел!

Ах, если бы можно было пойти в супермаркет, закупить фруктов и ягод и отправить их в далекий 1999-й, когда бедный автор этой душещипательной истории видел яблоки раз в неделю, а мандарины - только в Новый год!

Но - увы, машину времени до сих пор не изобрели. Поэтому восьмилетняя Аня вечно будет мечтать о фруктах, а обжора-Колобок так никогда и не спасет своих стариков...

Ну, а самое гениальное свое творение я создала лет этак в пять. И, пожалуй, после этого произведения вообще ничего писать и не стоило. Никогда. Потому что все это - графоманство. Но я пишу, и даже сделала это своей профессией.

А история была проста - как и все гениальное Проста, глубока и полна многих скрытых смыслов, невидимых слоев:

«Жила-была Курочка. Встретила она Петушка. И началось тут веселье». Конец.

Юный биолог

Если бы я не стала журналистом, я бы стала ученым-биологом. Потому что изучать разных существ – летающих, плавающих и прыгающих – было одним из любимых моих занятий в детстве.

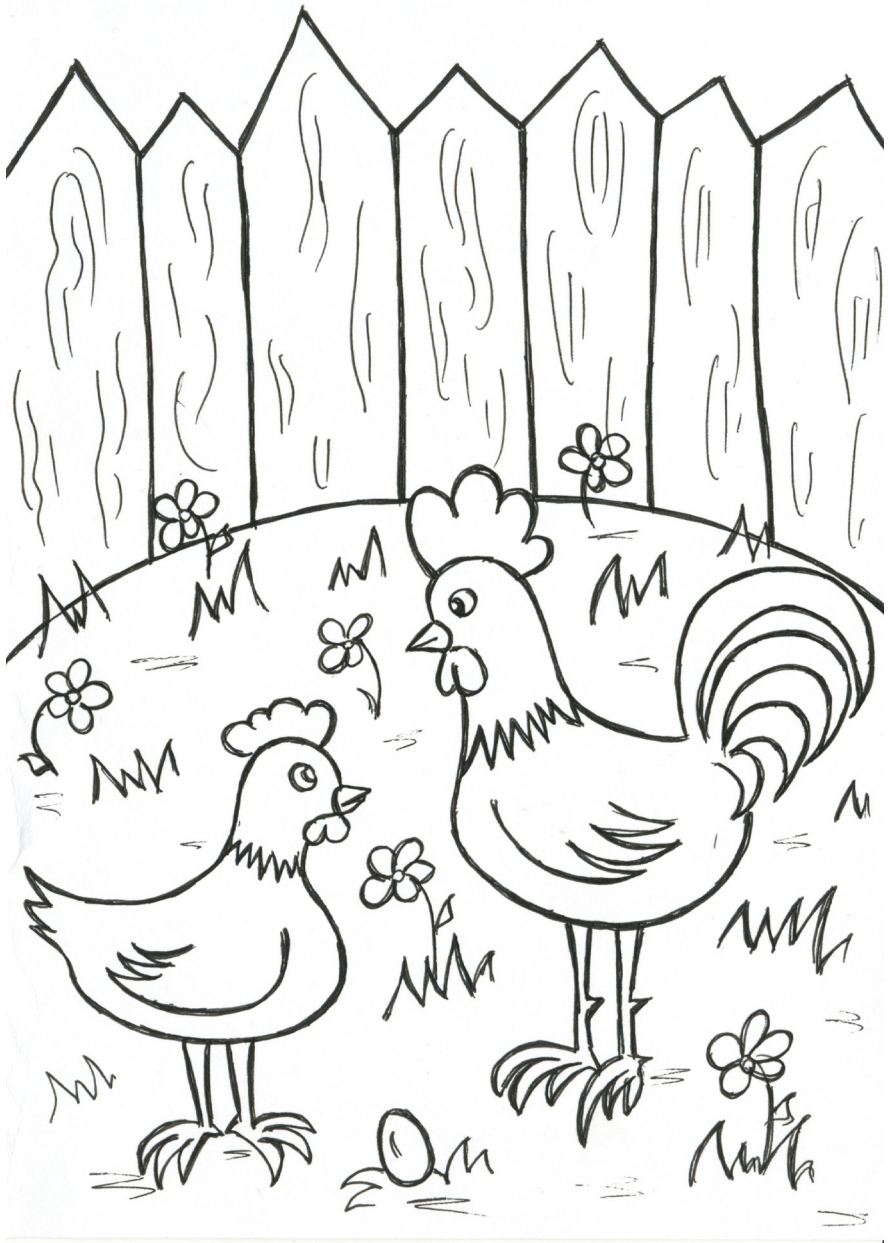
Деревенская жизнь с ее многообразием жизненных форм только способствовала игре в Николая Дроздова. Далеко ходить было не нужно. В Курье, например, обитали многочисленные лягушки, головастики, слизняки в ракушках – их приятно было вылавливать из болотистой воды и разглядывать.

Слизняки всегда прятались поглубже в свои домики, а головастики норовили выскользнуть из рук: им тяжело было на воздухе. Казалось непостижимым, что они и лягушки – это одно и то же, просто в разной стадии развития.

Удивительней был только процесс превращения гусениц в бабочек. И тех, и других – а еще куколок – можно было найти в саду. Еще там обитали вертолеты-стрекозы: зеленые, синие, удивительно красивые. И жужжащие волосогрызки. Ими можно было напугать маму (она смешно верещала, корчила брезгливые рожицы и махала руками), а потом посадить в баночку и изучать. Черные лакированные спинки, острые «зубки», цепкие лапки и длинные усы – волосогрызки были хороши. И волосы, кстати, не ели, как я ни пыталась их ими накормить.

Любимым же местом моих естественнонаучных наблюдений являлся курятник.

Куры были не так глупы, как всегда казалось взрослым. Вот, например, моя любимица НетрУсиха (мы с папой так

назвали ее, потому что она - не трусиха) точно глупой не была. Ласковая, совсем ручная курица, с мягким белым

пухом и черной «кляксой» на спине, она больше всего на свете любила червей. Она знала, что если Аня берет лопату и идет в огород, то червей будет много, очень много. И, услышав: «Нетрусиха, пойдём копать червей», неслась ко мне на космической скорости.

Нетрусиха не была любимой женой Петуха, но не очень от этого страдала: она была самодостаточной курицей. Петя же - гордый, надменный красавец с глубоким и звонким тенором - тоже знал себе цену. В курином гареме у него всегда была одна особенно любимая курица - с которой он прогуливался, о которой заботился и которой отдавал самых жирных червяков, самую свежую травку. Остальных кур он только топтал. Любовь платоническая и плотская у него - представителя сильного пола - относилась к разным субъектам. Не удивлюсь, если вечером, усаживаясь на насест возле своей возлюбленной, Петух кудачтал ей на ухо: «Не ревнуй. С ними у меня - ничего серьезного, люблю-то я только тебя!».

Наверное, Петух думал, что если не будет топтать кур, то они перестанут нестись. А если перестанут - всем им отрубят головы и отправят в кастрюльку. И его - Петю - тоже.

Петух не знал, что куры вполне могут нести своя яйца и без его стараний. Просто они будут пустые - без зародышей. И из них не смогут вылупиться маленькие пушистые и писклявые желтые комочки, которые любят пшенку и пьют воду с марганцовкой.

Потому он честно исполнял свой петушиный долг. А куры - свой, куриный, выдавая, как минимум, раз в два дня по яйцу. И, кстати (да будет вам известно!) курицы не кудачтут при этом, вопреки сложившемуся стереотипу. Квохчет и надрывается «группа поддержки», окружающая несущку в

этот непростой в ее жизни момент. А она, героиня, молча, стоически переносит свою муку и, разродившись наконец теплым белым яичком (а иногда и кучкой душистого помета заодно), уступает место своим кудахтающим подругам.

Теория Пука

Порой мои естественнонаучные озарения происходили весьма неожиданно. Но так им, наверное, и нужно происходить - на то они и озарения.

Ньютон, наверняка, не ожидал, что на голову ему упадет яблоко, которое изменит представления о Земле, а Архимед, отправляясь принимать ванну, вряд ли предполагал, что это закончится открытием физического закона...

Так было и со мной, когда я, пятилетняя, возвращалась вместе с родителями от бабушки и дедушки. Летний вечер, запахи трав и цветов, звездное небо - все в этот час способствовало научным открытиям.

«Я знаю, почему, когда люди пукают, это громко и пахнет!», - заявила вдруг я. И поспешила изложить маме и папе свою Теорию Пука.

У каждого из нас в животике живет множество невидимых человечков. Каждый из них по-своему пахнет: кто-то кислой редькой, кто-то - тухлым яйцом, кто-то - капустой квашеной. У каждого свой голос - у одних раскатистый бас, у других благородный баритон, кто-то пищит фальцетом.

Когда человечки вылетают из попы - они кричат, смеются или разговаривают. И, разумеется, пахнут. От количества и комбинации вылетающих человечков зависит итоговый

результат – продолжительность, звук и запах пука.

«А еще есть шептуны. Они вылетают молча. И они – самые вонючие», – добавила я.

Хрюшки и анатомия

Убить поросенка для папы было делом непростым. Нет, он отлично стрелял, и ружье его не подводило. Но целиться приходилось в живое существо, которое ты кормил, холил и лелеял не один месяц.

Несмотря на то, что поросят мы обычно называли именами отрицательных персонажей из бразильских сериалов (чтобы не питать к ним особенных симпатий), папа – да и мы все – привязывался к хрюшкам. Да и как не привязаться, как не полюбить. Чудные, розовенькие, с такими забавными пяточками и такими глупенькими глазками. Прыгающие и резвящиеся, валяющиеся в грязи и похрустывающие капустными листочками, они все-таки были милейшими созданиями. Хоть и выращивались на мясо. И было ясно, что именно из них мама сделает котлеты, голубцы и пельмени. На этот счет у меня никаких иллюзий не было.

И у папы не было тоже. Поэтому он всегда очень волновался, когда нужно было убить поросенка. Мама готовила обед. Папа выпивал стопку водки, закусывал соленым огурцом и хлебом и уходил с начищенным до блеска (я сама проверяла!) ружьем.

Раздавался выстрел, заливался лаем Пушок. Папа возвращался и наливал вторую – за помин поросычьей души. Обедал – и шел в огород разделывать тушу. А однажды взял с собой меня – на урок анатомии. «Посмотришь, как поросенок устроен».

С сугроба взирала на меня безмолвная морда убитого Мэйсона (или как там его звали - не помню). Запекшаяся кровь прямо посреди лба. Пятачок вздернут. Глаза прикрыты. Этой чудной голове предстояло стать холодцом.

Папа, однако, не дал мне предаться метафизическим размышлениям о жизни и смерти и стал быстро разделывать тушу. Я помогала: придерживала за ноги, когда папа делал вырезку (самое вкусное место в поросенке!), держала тазик, куда папа кружку за кружкой выливал пороссячью кровь (на колбасу дяде Ване).

Потом началось самое интересное: папа показывал разные внутренние органы. Вот этот огромный красный кусок - сердце, это - печень, это - легкие. А это - кишечник. О, он был бесконечен. А еще в нем были видны остатки непереваренного пороссячьего завтрака!

Удивительнее же всего было то, что, как утверждал папа (а не верить ему было бы глупо), мы, люди, устроены точно так же. У нас - такие же легкие, желудок, селезенка.

Потом все было кончено. Я стояла на страже у подвешенных на крючья кусков мяса, метлой пытаюсь отогнать слетавшихся на кровавый пир ворон, и чувствовала, как бьется от страха мое сердце.

Теперь я знала, какое оно. Величиной с кулак, пульсирующее и живое.

Загадка о статуе и дядя Леша Лемзяков

В моей семье никогда и никто не матерился. Так уж у нас

заведено. Папа, может, и ругался на работе, но при нас - ни-ни. Только однажды я случайно подслушала, как он матерится, выпивая с товарищем под рябиной у нас в саду, и это было сродни Концу Света.

Но это случилось гораздо позже, когда я уже училась в школе. А в возрасте 5-6 лет ни малейшего представления о дурных словах, которые не стоит употреблять, я не имела. Пока меня не просветили в садике.

Однажды вечером я пришла домой и со смехом побежала к маме. «Слушай загадку, мам. На холме стоит статуя, у статуи нету...?»». Мама молчала. Видимо, не знала ответа, поэтому я поспешила прийти на помощь: «...уя! Ты не порти мой рассказ, у статуи нету глаз!», - и залилась хохотом.

Мама, однако, не только не смеялась, но и сказала, что это очень плохая загадка, и такие слова говорить нельзя. Вторую загадку, про медведя, который рвет малину («Гром гремит, кусты трясутся. Что там делают? ...») я решила маме не загадывать, не испытывать судьбу. Что-то подсказывало, что и слово «...утся» в моем исполнении ее вряд ли обрадует.

Но это все были детские шалости. По-настоящему с русским матом я познакомилась благодаря папиному коллеге, дяде Леше Лемзякову.

Дело было летом, папа работал на теплоходе (которые готовили к сдаче - для президента Якутии) и взял меня с собой. Каюты, капитанская рубка, крутые трапы, якоря - все приводило в невообразимый восторг.

После изучения теплохода я забрела в камбуз, где решила перевести дух. Тут-то я и услышала дядю Лешу. Что-то он приколачивал неподалеку, с кем-то разговаривая.

Как всегда, был недоволен и выражал свое недовольство убористо и виртуозно.

Потом он обнаружил меня - невольную слушательницу - притихшую на кухне, сказал: «Ой, Анютка, не знал, что ты тут сидишь», заявил, что он - корабельный кок, и налил мне чаю.

За все годы своей жизни я не встречала человека, который матерился бы так, как дядя Леша Лемзяков. От души, с мощнейшей энергетикой. Годами позже он попал под машину: велосипед всмятку, дядя Леша - в реанимации. Никто и не верил, что он выкарабкается. А он взял, да и вернулся с того света - с матом, шутками и прибаутками. Видимо, ТАМ такого шумного не выдержали - отправили обратно.

СЫН КАПИТАНА

Петька Рагулин был сыном капитана. И в него - тринадцатилетнего кудрявого брюнета с огромными карими глазами - конечно, нельзя было не влюбиться.

Он приехал в Жигалово на год или полтора - вместе с отцом Иваном Ивановичем, который смотрел тут за ходом строительства теплохода, предназначенного для президента Якутии. И с мамой, тетей Олей, которая, как жена декабриста, всюду следовала за своим супругом-капитаном.

Петька был на четыре года старше меня, но меня это нисколько не смущало. Любви все возрасты покорны, уж я-то, довольно продолжительное время влюбленная в садике в дяденьку электрика, это знала наверняка.

Потому я не сводила с Петьки влюбленных глаз. Потому снова и снова гадала на него - Пикового Короля - и каждый раз, когда выпадала девятка червей, ликовала.

Петька же заигрывал со мной, просил «не раскидываться намеками», а еще кормил меня фруктами, приговаривая: «Ешь-ешь, ты должна быть толстенькой, тогда тебя все будут любить».

Всех мне было не надо, только его - сына капитана. В моих мечтах Масленникова и Куренцова становились Рагулиной, и мы с Петром Ивановичем на белом теплоходе уходили по Лене в море Лаптевых, а потом - в Ледовитый океан, навстречу прекрасному будущему.

Но - увы. Петька любил мою подружку - и свою одноклассницу - Катьку Давыдову. Однажды я увидела их целующихся - и все рухнуло. И дружба моя с Катей (какие уж тут куклы и «домики», когда - любовь), и мечты о свадьбе и белом теплоходе.

К тому времени, когда корабль был готов, надежды были разрушены окончательно. Моя коллекция трагических любовных историй пополнилась еще одной.

Судно спускали на воду, и небо было голубым-голубым, а облака - белыми и пушистыми.

С радостью, гордостью, грустью смотрели на свое детище жигаловские судостроители. И, провожая его - с капитаном Рагулиным и его семейством на борту - пели:

«Счастлив должен быть тот,
Кто рождает корабль.
Это славный итог

Добрых дел, мыслей смелых.
Вот уходит корабль
В океанский простор
И уносит с собой
Часть души корабела».

А теплоход уходил все дальше. И уносил с собой не только частицы душ моего папы, дяди Вани и других работников судоверфи, но и мое - разбитое - сердце.

Где Бог?

Вопрос о происхождении мира волновал меня несколько не меньше, чем вопрос о собственном происхождении. Откуда все это взялось - небо, солнце, животные, птицы, люди? Сотни разнообразных «как» и «почему» роились в моей голове и не находили ответа.

Помогла снова книга. Бабушка однажды принесла откуда-то детскую Библию. Это была большая, тяжеленная книжища, в которой простым и понятным языком рассказывался сначала Ветхий Завет, а потом Новый. Что мне больше всего в этой книге нравилось, так это картинки - очень яркие и красочные. Книжку я «проглотила» за несколько присестов и потом любила перечитывать любимые места и разглядывать иллюстрации.

Жизнь Христа меня здорово впечатлила. Он был очень хороший и добрый, и, конечно, мне было жалко его, когда он, сгибаясь под тяжестью ноши, тащил на Голгофу свой крест. Быть прибитым гвоздями - это ведь очень, очень больно. Зато он потом воскрес - и это было здорово! Это был один из любимых моих эпизодов. Как они пришли в гробницу - а его там нет! Во дела!

После прочтения Библии мне многое стало ясно. Но, увы, не все. Оказалось, что религия не отвечает на все вопросы. Что есть еще что-то, неуловимое - о чем не прочитаешь в Библии, чего не увидишь на иконах, о чем не говорят в церкви.

Это что-то было разлито в воздухе. Оно было в каждой травинке, в каждой букашке, в папе, в маме, во мне. В огромном звездном небе.

Я очень любила смотреть на звезды: их так много бывало в ясную летнюю ночь над Жигалово. Все небо усеяно. Вот Большая медведица, а вот Малая! А вон там - Кассиопея.

Мы с папой часто сидели летними вечерами в «сарайке», под деревянным навесом. Папа варил на небольшой печке кашу и картофельные очистки для поросят и кур. Курил. А я сидела рядом и тлеющей щепочкой - ярко-красной с краешку, если на нее подуть - рисовала в воздухе разные фигуры.

Было тихо и свежо. Светила луна. И папа говорил, что где-то на этих бескрайних звездных просторах, в параллельной Галактике, наверняка сидят такие же папа и дочка - и тоже смотрят на небо в надежде, что они - не одни во Вселенной.

Дедушка

Дедушку я помню очень плохо: он умер, когда мне было всего шесть. Жаль: мне кажется, мы были бы с ним большими друзьями.

Дедушка был человек-глыба. Надежный, большой и сильный. И умеющий любить - не телячьими этими нежностями, а сердцем. Оно у него было огромное - как

и положено человеку-глыбе. Оттого и лопнуло, наверное, что не вместило в себя все - и любовь, и боль, и отчаяние.

Я очень любила бывать у бабушки и дедушки в гостях.

Рядом с входной дверью обитал - подвешенный к потолку - бело-коричневый бычок Гаврюша, плюшевый зверь, который умел мычать, да еще как! «Ну-ка, Гаврюша, поприветствуй гостей», - говорил дед и жал быку переднюю ногу. «Мууу!» , - отзывался тот.

Дедушка был совсем-совсем седой. А глаза у него были

голубые-преголубые и смеющиеся. Дедушка всегда был безупречно чисто выбрит и вкусно пах одеколоном. Я помню, что дома он ходил в пижаме и тапочках, ел манную кашу исключительно с вареньем (что может быть вкуснее!), утверждал, что холодец-«дрожжалка» - живой (ужасно страшно было его есть!).

А еще очень любил читать. Историю, классическую литературу, прозу и поэзию. Дедушкины стеллажи с книгами всегда вызывали во мне какой-то священный трепет. Иногда он мне рассказывал, что там, в этих книгах. Из словаря синонимов, например, мы однажды узнали, что «лысый» - это «голый»! Вот ведь умора!

А еще именно дедушка научил меня выговаривать звук «р». Вообще, если верить папе, то рычать, как трактор, и каркать, как ворона, я умела задолго до того, как произнесла «мама» и «папа». Ежедневные тренировки под папиным руководством помогали сохранить удивительный навык. А потом папа уехал на родину, в Горький, и, вернувшись, обнаружил, что трактор больше не рычит, а ворона произносит лишь невнятное «кай-кай».

Не один год логопеды пытались вернуть утраченную «р», заставляя меня всячески вертеть языком и цокать, как лошадка. А помог - дедушка. И чем? Силой поэзии! Такой вот он рассказал мне стишок:

«Рыбаки ловили рыбу, а поймали рака.
Целый день они искали, где у рака...»

- тут следовала выразительная пауза, мы оба хватались от смеха за животы, и дед заканчивал: «Попа». Но ведь было ясно, что никакая там не «попа», в чем-в чем, а в рифмах я соображала весьма недурно. Одним словом, не

выучить такое потрясающее стихотворение было просто непозволительно. Но рассказывать его, не выговаривая «р», было непозволительно вдвойне. И я - выговорила.

В тот день, когда у дедушки случился инфаркт, я была у них. Отлично помню, как дедушка лежал на диване в зале с расстегнутой на груди рубахой, тяжело и прерывисто дышал, а бабушка в панике пыталась найти таблетки. Не нашла и побежала к соседям.

Никогда еще я не чувствовала себя такой беспомощной, как в те минуты. Дедушке было больно, а я ничего, ничего не могла сделать. В руках у меня была моя детская Библия - я ее читала накануне. Бог, вроде, был тут - но и он ничем не мог помочь дедушке.

Скоро его не стало. В день похорон меня привели попрощаться. Пахло смертью. Дедушка лежал в гробу - такой большой и такой... ненастоящий. Мама сказала, что нужно подойти и подержаться за ботиночки - так принято. Ботинки были черные, лакированные и холодные. И сам дедушка был холодный. Да и дедушка ли это был?

Я не помню, как плакала мама. Она просто как-то померкла и потускнела. А вот бабушка - та никак не могла найти себе места, все рыдала протяжно так, причитала и совершала какие-то бессмысленные действия. Схватила, например, половик и пошла вытряхивать его на улицу. Так и стоит у меня перед глазами: «На кого ты меня остаавииииил» - с половиком в руках.

Галина Афанасьевна

Дедушка очень хотел, чтобы училась я у бабушки. Потому что она - отличный педагог, а у меня - способности. Родители

не хотели отрывать меня от коллектива, да и лишние толки о возможном бабушкином предвзятом отношении к ученице-внучке были ни к чему.

Но дедушка умер. И одно из последних его желаний решено было воплотить в жизнь. В 1997 году у меня началась новая жизнь. Днем я ходила в садик, в «Якорек», а вечером изучала под бабушкиным руководством экспериментальную программу первого класса для шестилеток (по ней бабушка учила моих будущих одноклассников в «Березке»).

Бабушка с того времени перестала быть бабой Галей. А стала Галиной Афанасьевной. Ей и оставалась долгие годы. Даже дома по привычке называла я ее по имени-отчеству.

Впрочем, бабушкой она и вовсе никогда не была. Как можно назвать бабушкой эту красивую, статную и молодую женщину? С этим орлиным взглядом карих глаз из-под «проховских» бровей, с этими красивыми серьгами и бусами, с этими кудрями, с губами алыми?!

Галина Афанасьевна была законодательницей мод в начальной школе ЖСШ №1. Шкаф ее ломился от многочисленных нарядов. Блузки, платья, юбки. Что мне нравилось - так это открывать этот шкаф и устраивать примерку нарядов. Бабушкины блузки висели на мне как платья, а туфли были великоваты размеров на десять. Но это не имело значения. Еще у нее была круглая черная шкатулка, а в ней - бусы, серьги, броши. Настоящая сокровищница! А еще - целая коллекция парфюма. Сладковатый запах духов всегда следовал за Галиной Афанасьевной едва уловимым шлейфом.

А вот бабушка пахла иначе. Вкусными булочками и калачами пахла она. Что-что, а стряпать баба Галя - мастерица. У нее на

веранде целый стол для этого дела. Большой, с огромным пером – им бабушка муку по всему столу рассеивала. Туда отправлялось из таза подоспевшее тесто. И бабушка ловко, умело взбивала его, месила и вымешивала. Потом так же ловко разрезала на кусочки, из кусочков катала колобочки, из колобочков – колбаски, а из колбасок – калачи. Один за другим они отправлялись на противень, а противень – в духовку. Ароматно, вкусно, слюнки текут. Калачи с вареньем, со сметаной – что может быть лучше?

А вареники? А пельмени? Десятки, сотни – это для нее раз плюнуть. Я один пельмешек вылеплю, а бабушка – десять уже. Это у нее – проховское. Старшую сестру свою, тетю Любу, бабушка прозвала веретешкой – за трудолюбие и скорость, с которой та управлялась по хозяйству. Но и сама всегда была веретешкой не меньшей.

Дома у бабушки – чистота и порядок. Каждый предмет на своем месте. В огороде – ни травинки. В стайке, в курятнике – лучше, чем в ином доме. Куры – как принцессы, Петух – как король. Валит снег зимой – у бабушки ни сугроба, ни снежинки. Лопата, метла – раз-два и готово.

Такой она была. Такой и остается. Хоть и постарела, хоть и здоровье уже не то. Все равно – характер, стать и сила. Все равно – не бабушка, а Галина Афанасьевна. Первая учительница, пример.

Гриша

Меня и моего старшего брата Гришу всегда связывали самые нежные чувства. Мы, правда, оба об этом не догадывались и любовь свою проявляли особым образом: обзываясь и дерясь. Такая демонстрация чувств обычно заканчивалась Гришиным смехом, моими слезами и, конечно, маминной

лекцией о том, как нужно себя вести: «Ты же большой! А ты - не заянивай! Разойдитесь по разным комнатам, раз не можете нормально. И подумайте над своим поведением».

А однажды мы маму так допекли, что она нас отшлепала кухонным полотенцем. Отшлепала - и заплакала. Это был единственный раз, когда мама подняла на нас руку. Ей, видимо, до сих пор стыдно за это - потому что помнит. А на нас, видимо, не особенно подействовала мера устрашения - потому что забыли.

Справедливости ради, стоит отметить, что я не заянивала и не выпрашивала, как утверждала мама. Ну, далеко не всегда. Чаще войну начинал Гриша.

Однажды, например, Дед Мороз положил нам под елку по мандаринке. Это сейчас цитрусы в изобилии, а тогда огромная сладкая мандаринка в красном целлофановом пакетике была настоящим сокровищем. Гриша съел свою быстро, а я смаковала: ела не спеша, каждую дольку разбирая на отдельные зернышки - так хватало надолго. Мычала от удовольствия - погромче, чтобы брат слышал и видел.

Когда же последняя долька была съедена и кожура с косточками отправилась в помойное ведро, Гриша открыл тумбочку и достал оттуда припрятанную половину мандаринки. Оказалось, что он съел не все, он обманул, обхитрил меня. И теперь он - он, злодей! - ел дольку за долькой, не спеша и мыча от удовольствия...

Как тут не броситься с кулаками? Как не закричать: «Гришка-пердышка, мясоед, шкуроед, костоед поганый»?!

Разумеется, именно в этот момент моего праведного гнева в зале появилась мама. И снова виноватой оказалась я.

Несправедливо, но что поделаешь. Таково было негласное распределение защитников в нашей семье: мама - Гришина, папа - мой.

Один раз мы с Гришей что-то не поделили за обедом. Я психанула, дернулась и вышла из-за стола, заявив, что не буду с ним есть. Гордая, ушла в огород и направилась к сарайке. Сидела там и дулась - как мышь на крупу. Эх, крупа была бы очень кстати! Есть хотелось очень. Дома, на кухне, шкворчала на сковороде вкуснейшая картошка с мясом. Но вернуться было нельзя: дело принципа.

И тут меня озарило! Я вспомнила, как родители рассказывали мне, что люди в войну ели суп из лебеды. Сорняка в огороде было полным-полно. Суп, конечно, не сварить, но раз они ее вареную ели, значит, она и сырая ничего? Попробовала. Оказалось, не очень. Побрела домой, признав капитуляцию. Мама вздыхала: «И что вас мир не берет?».

Но иногда он нас брал. Тогда мы вместе играли, строили космические корабли и машины из перевернутых вверх дном кресел и стульев. А потом - за 5 минут до прихода папы - ставили все на место. «А то влетит обоим!».

Но настоящая любовь пришла, когда Гриша уехал в Иркутск учиться. Дома сразу стало как-то тихо. Некого было обзывать, щипать и щекотать. Никто не дразнил и не обижал. Скучно, грустно, одиноко.

Зато какое было счастье, когда он приезжал на каникулы! Первые два-три дня в доме царил мир. Гриша лежал на диване, а я забиралась к нему на спину и делала массаж.

Я и раньше, бывало, издевалась над братом: «Ейсы-ейсы, шпаги-шпаги, едет поезд запоздаги», но это все было

детским лепетом. Теперь у меня была целая авторская методика массажа - лечебного и бодрящего.

Сначала нужно было определить больные позвонки. Для этого существовала система сигналов. Если я давлю на позвонок, и Грише не больно, он говорит «У», если больно - «А», если очень больно - орет «ААА»! Так весь позвоночник обретал свою музыку «уууааууауаааауааааа».

Больные участки затем подвергались разнообразным процедурам: я протирала их прохладной талой водой с окон, обматывала пищевой пленкой из-под сыра или колбасы, растирала варежками из собачьей шерсти. Потом нещадно щипала и хлопала Гришу по лопаткам. Он не возражал. Особенно ему нравилось, когда я оттягивала левой рукой кожу и резко ударяла по ней ребром правой ладони.

В конце массажа непременно следовала повторная проверка позвоночника. «А» становилось заметно меньше. То ли Гриша хотел сделать мне приятное, то ли процедуры действительно работали. Я склонна верить во второй вариант.

Теперь Гриша большой дядя. Он сам - папа. Сам он теперь воспитывает Надю и Сашу, читает им нотации о том, что не нужно заянивать, и разводит по разным углам - «подумать о своем поведении».

Я больше не называю его «поганым костоедом», но люблю ничуть не меньше. И он меня, я знаю.

Баян и будильники

Если бы у меня не было старшего брата, а у него - баяна - я бы, скорее всего, не изъявила желания пойти

в музыкалку. Но брат был. И баян у него был. И, играя в манеже погремушками, я очень наслаждалась Бахом, Рахманиновым, народными плясовыми и чуть меньше - гаммами и арпеджио в исполнении Гриши.

Но интерес к баяну меня заставила проявить отнюдь не любовь к искусству, а куда более меркантильные помыслы. Дело в том, что на окончание музыкалки (Грише было лет 15-16, мне, соответственно, 5 или 6) брату подарили будильник. Крутой подарок для девянострого, скажу я вам.

Будильник был невероятной красоты: в виде домика с трубой. Розовый с бензиновыми такими разводами. А еще на нем была чудо-кнопочка для таких лентяев и спунов, как я: нажал, и спишь еще десять минут. А потом опять нажал - и опять спишь.

Одним словом, мне ужасно, ужасно хотелось иметь такой будильник. Но Гриша, разумеется, не собирался расставаться с подарком.

И тогда в смышленной моей голове родилась гениальная мысль. Озарило, в общем. Брат получил будильник, потому что закончил музыкалку. Следовательно - что? Следовательно, нужно пойти в музыкалку, оттрубить там - от до диеза до си бемоля - свои шесть лет и получить желаемое.

Следующие четыре года я допекала Гришу, чтобы показал, как играть (нужно отдать должное - показал: правой рукой я играла вполне неплохо), и старательно грызла морковку, чтобы расти побыстрее - потому что наш баян «Рубин» был таким огромным, что меня из-за него видно не было.

Только к четвертому классу макушка моя начала выглядывать из-за раздвигаемых мехов. В сентябре я направилась в музыкалку.

Старое здание музыкальной школы со штакетником в виде нотного стана, на котором - скрипичный и басовый, восьмые и шестнадцатые - до сих пор вызывает волнительное чувство.

В музыкалке было волшебно, светло и тепло. Зимой там топилась печка, полукругом выступающая из стены. Придя с мороза, нужно было обязательно к ней подойти и

согреть озябшие пальцы. Холодными разве сыграешь что - ничегошеньки не сыграешь. Не пальцы, а закорючки! И это было приятно - стоять вот так, греться у печки, пока Петр Николаевич допивает свой чай.

Но тогда, в сентябре, я еще, конечно, не знала всех этих тонкостей. Я пришла записываться в класс баяна. В кабинете было много инструментов - больших и маленьких. Пахло чуточку затхлостью, а еще старыми нотными тетрадями, учебниками и одеколоном Петра Николаевича.

Он встретил и проэкзаменовал меня - внушающий трепетный ужас и уважение учитель. Начинающий сидеть и смуглый-смуглый - никогда таких не видела!

«Он коричневый, как наша электроплита!», - заявила я, придя домой. И села разучивать первое свое произведение - «Солнышко». До-рэ-ми-фа-сооооль. Соль-фа-ми-рэ-доооо. Так начался мой путь к искусству. И к будильнику, разумеется.

За годы обучения в музыкалке я заработала два или три будильника - почему-то на конкурсе «Первоцвет» нам любили их дарить наши спонсоры из «Русия Петролиум». Мои будильники даже круче были, чем Гришин - с подсветкой!

Так что миссия была не только выполнена, но и перевыполнена. Можно было бы бросить музыкалку после первого же будильника. Но не стала, понравилось мне это дело - на баяне играть.

Масленниковы

У Масленниковых я была частой гостьей. Мне нравилась их просторная квартира - такая большая, что когда тетя Люда

на кухне кричала: «Ваня, иди сюда», прибежали еще Таня и я - Аня - потому что «послышалось». Нравилось, что у них есть коровы - с большими и умными глазами. И шумный сепаратор, за которым часто сидел дядя Ваня, взбивая масло. Нравилось, что в комнате у сестер много кукол, мягких игрушек, а еще косметика и красивые платья. Да и сами сестры мне нравились. И, кажется, это было взаимно.

Девчонки часто расспрашивали, кого я больше люблю - Женьку Тришкина, Сашку Константинова или предателя-Савинова. Заставляли сидеть на картах, наивно полагая, что я «нецелованная», и учили, как правильно гадать - на мальчика и на желание.

А еще иногда они меня дурачили. Например, однажды заявили, что они - инопланетяне и прилетели с другой планеты. Были столь убедительны, что я поверила. И думала, как же так сказать дяде Ване и тете Люде, что их дочки - гуманоиды, чтобы те не очень расстроились. Потом выяснилось, что они наврали - и расстроилась я.

Заедать обиду отправилась на кухню. Там у тети Люды стояла большая круглая красная ваза с конфетами. Конфет было много, и все разные. И я их, конечно, не ела. Я - пробовала. Кучка фантиков по ходу дегустации росла и росла, а я уплетала за обе щеки, громко чавкая.

Кстати, именно сестры Масленниковы отучили меня чавкать. Заявили, что если я не стану жевать с закрытым ртом, они отправят меня в стайку - к коровам и свиньям. Там, в общем-то было неплохо - светло, тепло и много сена, но жить мне там не хотелось. И я перестала чавкать.

Потом девочки уехали учиться. И моим лучшим другом стала баба Лена. Мне нравилось смотреть, как она стряпает.

Как прядет. Как вяжет носки и рукавички. Она все делала быстро, ловко и хорошо.

Но больше всего я любила сражаться с бабой Леной в карты. Мы играли в подкидного дурака, в круглого и еще в «Паровозик». В каждую игру – по три раза. С шутками, прибаутками, весело и азартно. И не важно, кто выходил победителем. Завораживал и удивлял сам процесс: бабушка, а режется, как заправский шулер!

Наводнение

Наводнение, как это обычно бывает, случилось неожиданно. Был май. Еще вчера река стояла совсем обмелевшая, и мужики на заводе голову ломали: как корабль отправлять по такой воде. А потом вдруг начала прибывать.

Папа с самого утра ушел на работу: теплоход нужно было «доводить до ума», и побыстрей! А мы с мамой остались ждать неотвратимого.

Курья вдруг стала настоящим бурлящим потоком, и вода уже выглядывала из-под забора судоверфи. Пока мы бегали до ОРСа, она уже перешла дорогу. А потом подошла и к ограде. Было жутковато, но и весело тоже: ведь это самое настоящее приключение!

Дядя Валера и тетя Лена отвели своих коров на «базу». И они стояли там, на бетонных заброшенных плитах и жалобно мычали. Мы же со Славкой изучали, как прибывала вода: Денис сделал «уровень», и мы каждые пять минут высчитывали, сколько миллиметров добавилось.

Пока длины резиновых сапог хватало, чтобы бродить

по разлившемуся морю, мы бродили. Исследовали дно (которое утром еще было дорогой), собирали красивые камушки (потом мы их спрятали в тайнике, в трухлявом пне недалеко от дома).

Мама переживала: нужно было доставать из подполья картошку и банки с соленьями, а папа все еще был на заводе.

Когда по Мичурина на лодке проплывал в сторону судоверфи дядя Володя Савинов, она была уже в отчаянии: «Передай Николаю, чтоб домой шел. Надо картошку доставать. А то пусть и не возвращается».

Папа пришел не скоро - в высоких сапогах-болотниках. К этому времени вода была кругом - как в песне. Достали картошку и банки из подполья. Сплавались до бабушки: дядя Толя Бархатов доставил на моторке прямо к крыльцу. Подняли мебель в доме на тяжелые лиственничные брусья (по воде их очень легко было запустить в квартиру, а вот когда вода отступила, папе пришлось здорово поднапрячься, чтобы вынести их на улицу).

Вернулись с бабушкой. Ели хлеб (его привез на грузовике дядя Юра Муйла - «гуманитарная помощь», как мама сказала). Жгли свечи. Разговаривали.

А вода все прибывала. По ограде, по улице плавало все, что когда-то лежало на земле. Бурлило, шумело, гудело.

Открыв наутро подполье, мы увидели, что до крышки воде осталось сантиметров 10-15. Нужно было эвакуироваться - к Кузьминым, на Партизанскую (в той части поселка воды не было).

Слово «эвакуация» было непонятным и жутковатым,

отдавало чем-то военным. Если перевести его на человеческий язык, то оно значило - уйти из дома.

Мама и бабушка надели сапоги, папа облачился в резиновый какой-то комбинезон и посадил меня на велосипед. Так и отправились. Идти, справляясь с бурлящим потоком, папе было непросто. Мне сидеть на велосипеде - страшно. Мама и бабушка причитали и горевали. И все мы - эвакуировались.

На площади у Ленина воды совсем не было. Там стояли многочисленные зеваки. Было странно видеть сухой асфальт и сухих людей. Папа отвел нас к Кузьминым, а сам пошел домой - похожий на космонавта в своем комбинезоне. Взрослые вздыхали и много молились.

А на следующий день вода отступила - так же резко, как пришла. И мы отправились домой.

Земля была покрыта илом и мусором. Было больно на нее - истерзанную стихией - смотреть. Но и радостно, так радостно идти по ней! Наверное, подобное испытывают моряки, ступая на берег после долгого путешествия.

Город

Тетя Катя с дядей Сережей и Никиткой жили в городе. Что такое этот самый город, я до некоторых пор представляла слабо. Пока уже в довольно сознательном возрасте (лет 7-8) не отправилась туда с мамой. Она ехала на курсы повышения квалификации, а я - лечить мои многострадальные зубы.

В город мы поехали на пазике, летом. Автобус отходил в 8 утра от здания электросвязи. Баулы, клетчатые сумки, суета, сутолока, прощания, слезы, провожающие, уезжающие.

И - невозмутимый, огромный (совершенно необъятный, правда!) шофер - Вася. В качугской столовой он непременно

съедал две тарелки супа, второе, булочку и компот и, кажется, даже тогда оставался голоден.

Ни фамилии его, ни отчества никто, кажется, не знал, для всех он был просто Вася.

Вася – это человек-легенда. О таких, каких он, нужно фильмы снимать или писать книжки. Сколько сумок с картошкой и соленьями-вареньями отвез Вася в Иркутск голодающим студентам! Все матери в Жигалово знали: на него можно положиться.

Знали это и жители всех сел и деревень, расположенных вдоль 400-километровой трассы Жигалово-Иркутск. Всех «голосующих» по пути следования Вася подбирал, подбрасывал куда нужно.

«Че, баба Маша, до Качуга поехала?».

«Поехала, Вася, ага: пенсию дали».

«Как сын-то? Не пьет?».

Васю знали все. И Вася всех знал. Со всеми разговаривал. И постоянно семечки грыз, приговаривая: «Главное – не уснуть!». Как же, уснешь на такой дороге!

В пазике всегда былолюдно и шумно. Ехали на сиденьях, на приступочках, на сумках, стоя. Пазик – резиновый, это факт известный. Пахло в автобусе дорожной пылью, перегаром (обязательно кто-нибудь да попадался с жестокого похмелья), мочой и старостью (от бабуль и дедуль) и, конечно, бутербродами, яблоками, огурцами, помидорами, вареными яйцами.

Я сидела у окошка, любовалась живописными видами и терзала маму расспросами:

«А это что за деревня? А почему Шишкино? Там шишек много? А что за писаницы? А где, где олень-то, нарисованный на скале? Его что, не видно?»».

И часто склонялась над целлофановым пакетиком.

В детстве я, как и многие, мечтала стать космонавтом. Пара поездок на пазике до города убедили меня в провальности этой идеи: с таким вестибулярным аппаратом бороздить просторы Вселенной было невозможно.

Зато блевать мне нравилось. Съешь мороженое - получается белая блевотина. Скушаешь помидорку - розовая. Здорово! А особенно я любила, выходя из автобуса, гордо идти к мусорному баку с полным пакетом мутной разноцветной жидкости в руках. Люди почтительно расступались и давали мне - смущенно улыбающейся - дорогу.

Иркутский автовокзал напоминал мне пчелиный улей из мультика про Винни-Пуха. Кажется, народу там было не меньше, чем во всем нашем Жигалово. Бомбилы с золотыми зубами предлагали «доставить недорого». А прибывающие из деревень люди - оглушенные всем этим городским шумом - испуганно и недоверчиво смотрели по сторонам.

Всего в городе было много: машин, автобусов, рогатых троллейбусов с невеселыми кондукторами, огромных - до самого неба - домов, детских площадок с горками и качелями. Были магазины с игрушками, киоски с мороженым, лоточки с сахарной ватой, была «шанхайка» с суетливыми китайцами и карманниками, норовящими разрезать сумку и утащить кошелек, был ЦТКиО с колесом

обозрения и каруселями. Не было только одного - покоя и тишины.

Правда, в Солнечном, где жила тетька Катя, на заливе бывало довольно тихо и хорошо. Вечером мы ходили туда, на берег. Ледокол гордо белел на фоне сумеречного неба. Мужики с бутылками пива в руках курили и тихонько переговаривались. Женщины смеялись. Ребятишки кидали камушки в воду. Пахло яблонями, сиренью и Ангарой. Мне нравилось в Солнечном.

А вообще в городе было довольно страшно. И люди там были, как мне казалось, двух категорий - или злые, не приветливые, неискренние (таких особенно много было в общественном транспорте), или странные. Как у мамы на ее курсах повышения квалификации.

Ей как-то пришлось взять меня с собой. В огромной аудитории сидели многочисленные тети и немногочисленные дяди. Лектор был худой, лысый и в очках. И он - прыгал как обезьяна! И ладно бы просто прыгал. Он этих тетенок и дяденек приглашал к себе и заставлял тоже прыгать. Хорошо хоть маму не позвал, а то я бы померла - или от стыда, или от смеха. Потом они ходили как лисички, прыгали как зайчики и еще как-то кривлялись.

Курсы, как выяснилось позже, были посвящены имиджу руководителя, и я попала на занятие про походку. Но тогда я этого, конечно, не знала. Мне просто казалось уму непостижимым, что взрослый этот лысый мужик скачет перед аудиторией, ухает, чешет себя под мышками и повизгивает, как макака.

Познавательные курсы! Не грех и протрястись 400 километров на пазике для такого!

Шизиков подобных в городе было много. И самое удивительное – никому до них не было дела. Гриша-студент, уже усвоивший этот факт, даже как-то решил всем нам доказать, что это так и есть. И ходил по городу в клоунских ушках и носике (круглом, красном, поролоновом). Умора! В Жигалово на него бы пальцем тыкали, смеялись бы (дети), ругались бы (взрослые). В городе же всем было «пофиг», как выразился Гриша.

И от этого «пофиг» было как-то одиноко и жутко. Никому до тебя нет дела. Людей много, а ты – один. Я крепко держала мамину руку и очень боялась, что потеряюсь и останусь одна в этом жужжащем и безразличном улье.

Зато каким счастьем было сесть в пыльный пазик, увидеть улыбающегося огромного Васю, вооружиться пакетиком неудавшегося космонавта – и поехать домой. В Жигалово. Где все было просто, понятно и искренне.

Мама

Удивительно, как мало в моих детских воспоминаниях оказалось мамы. Обидно. Но объяснимо.

В ясный, погожий день мало кто из нас смотрит на небо и радуется солнцу, благодарит его за теплые лучи. Но стоит появиться тучам – лохматым, чернильным, хмурым, стоит зарядить на пару дней дождю – и настроение меняется. Где же солнце? Куда же оно ушло? Как же плохо, грустно, как холодно без солнца.

Когда мама уезжала в командировку, было точно так же. Дома все было по-прежнему. Папа справлялся с варкой холостяцких пельменей и даже косички мог заплести. Но солнца не было. Мамы не было. Не пахло в доме мамой.

Духами ее «Кузнецкий мост», душистыми булочками, наваристыми щами со сметаной. Не звучал мамин голос, мамин смех. Тихо было. Плохо было - и мне, и папе, и даже Кешке и Пушку.

Но мама возвращалась - и сколько же было счастья, радости, восторга!

А потом - мы снова переставали замечать ее лучи. И незаметно гладились белье и мылась посуда, незаметно пеклись блины и варились компоты, зашивались прорехи и пришивались пуговицы. Оно как-то само собой происходило - все, что делало наше существование беззаботным и радостным.

Если детство мое - планета, то мама - солнце ее. Оно и сейчас мне светит. И всегда светит. И светить будет, где бы я ни была и что бы ни делала.

Спасибо, мама. Прости, мама.

Содержание

Папа.....	4
О метане-пропане.....	6
...и о гробах.....	8
«Якорек».....	9
Красота требует жертв.....	11
«Фонтанчик».....	13
Его не существует?.....	15
Разбитое сердце.....	17
Анна Николаевна Куренцова.....	18
Славка.....	21
Рыбалка.....	22
Отрава для Генки.....	25
Коммерсант.....	27
Кулинария и «рябчики».....	29
Улица.....	31
«Люди, с Новым годом!».....	34
Колядки.....	37
Робинзон и математика.....	39
«Дивная» расчлененка.....	41
Про ЭТО.....	43

Гениальность и графоманство.....	44
Юный биолог.....	48
Теория Пука.....	51
Хрюшки и анатомия.....	52
Загадка о статуе и дядя Леша Лемзяков.....	53
Сын капитана.....	55
Где Бог?.....	57
Дедушка.....	58
Галина Афанасьевна.....	61
Гриша.....	63
Баян и будильники.....	66
Масленниковы.....	69
Наводнение.....	71
Город.....	73
Мама.....	78

Для ваших историй...

...и ваших картинок

